
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322.
2013. Vol.(1). № 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 or 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russia

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.9.13.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 1.

Voennyi Sbornik

2013

№

1

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322.
2013. № 1 (1). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сеняевская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CrossRef** (Соединенной королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Подписано в печать 16.9.13.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 1.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

C O N T E N T S

Mitiukov N.W. Isaac Peral's Submarine and World Shipbuilding	4
Bagdasaryan S.D. Militarization of South-Russian Peasants' Leisure in 1920s	13
Afanasenko V.I. "Three Fights at Prokhorovka" in July of Nineteen Forty Two	18
Krinko E.F., Medvedev M.V. Mius-front: German Defense Line in the South of the USSR and Its Features (1941-1943)	27
Jesus Maria Medel Soteras Motor Boats of 'Special Tax Control Service' of Spain, Built during the World War II	41
Khlynina T.P. The House Was More Than Just the Place We Lived in': Living Space Development by the Participants of the Great Patriotic War	48

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 629.5(091): 94(460).085

Isaac Peral's Submarine and World Shipbuilding

Nicholas W. Mitiukov

Izhevsk State Technical University, Russian Federation
Kama Institute of Humanities and Engineering Technology, Russian Federation
Dr., Professor
E-mail: nico02@mail.ru

Abstract. The question about the influence of Isaac Peral submarine at the global shipbuilding is showed. A brief history of the creation and testing of the submarine, as well as its technical specifications is provided. There are given a bibliographic review of Soviet and Spanish sources. It is shown that the opinion of Spanish authors about the importance of a submarine often tends to be exaggerated. Soviet authors are on the focus on the Soviet ideological, in the assessment of the boat is also biased. The findings show that the decision not to accept the Spanish Ministry for service Peral's submarine due to unresolved technical problems that prevent its full operational use, including limited autonomy and seaworthiness. There is given a list for the first time applied innovation.

Keywords: history of shipbuilding; Spain; submarine; naval innovation.

Введение. Подводные лодки в настоящее время представляют главную морскую ударную мощь государства. Если век назад она оценивалась количеством линейных кораблей, то современные военно-морские справочники начинают разделы, посвященные соответствующим странам с описания находящихся у них в строю подводных лодках. Поскольку в отличие от большинства других технических инноваций субмарины до получения по настоящему боевых образцов прошли довольно трудный путь развития, в каждой морской стране имеется по несколько памятников подводного судостроения, зачастую относимых к родоначальникам подводных лодок в мире. В России таким образцом служит подводная лодка С. Джевецкого, имеющаяся в экспозиции Центрального военно-морского музея в Петербурге. А в Испании в Картахене установлена на постаменте подводная лодка И. Перала.

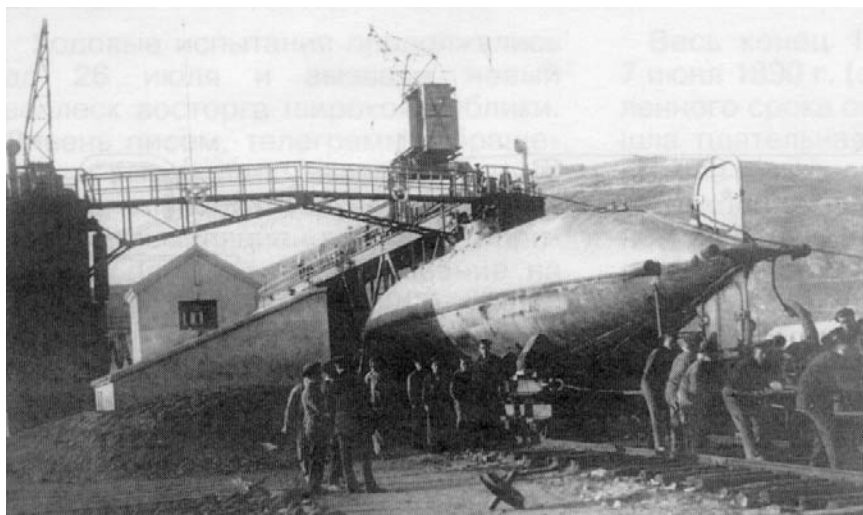
Краткая история лодки Перала

Каролинский кризис осени 1885 г., когда германская канонерская лодка "Ильтис" захватила остров Яп в Каролинском архипелаге, принадлежавший Испании, наглядно продемонстрировал, что страна уже не имеет никакой возможности контролировать свои колонии. И в этот трудный момент на стол Морского министра адмирала Мануэля де ла Песуэла и Лобо легло письмо лейтенанта Исаака Перала, в котором указывалось: «я имею все необходимые расчеты и чертежи, для строительства подводного миноносца, который может в полной безопасности разместить на своем борту экипаж, необходимый для произведения всех необходимых маневров. Один или два таких корабля было бы вполне достаточно для безнаказанного уничтожения эскадры противника... Нация, обладающая подобными кораблями будет иметь поистине неприступные берега».

К проекту отнеслись благосклонно, и после детальной проработки чертежей 25 апреля 1887 г. королева Мария Кристина подписала декрет, одобрявший строительство «судна для подводного плавания». 7 октября того же года арсенал Ла Каррака получает заказ на строительство и начинает сбор необходимого материала. Попутно первоначальный проект немного перерабатывается, чтобы наиболее полно соответствовать возможностям верфи. Самым серьезным изменением стал отказ от торпеды Уайтхеда в пользу Шварцкопфа, принятой в испанском флоте. 1 января следующего года состоялась церемония закладки киля субмарины и уже 8 сентября 1888 г. она благополучно сошла на воду.

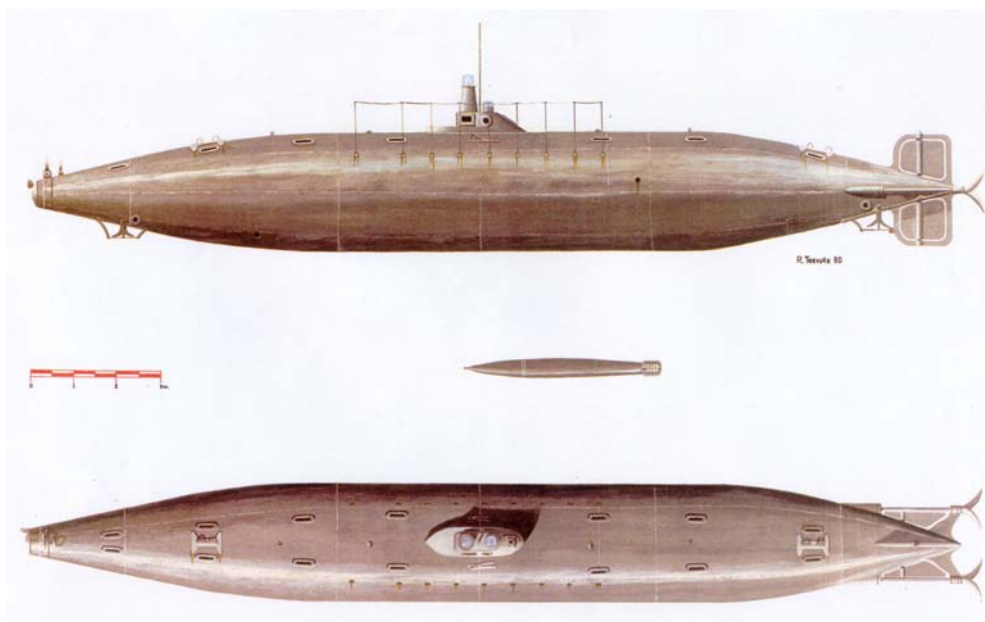

Исаак Пираль

Подводная лодка Перяля на верфи. 1890 г.

Сигарообразный корабль Перяля своей формой сильно напоминал мину Уайтхеда. Два его винта приводились в движение электрическим двигателем, запитываемым от аккумуляторов. Других двигателей лодка не имела. Кстати, для полной зарядки всех 613 бортовых батарей потребовалось несколько дней. Сначала думали, что столь длительное время необходимо только для самой первой зарядки, но впоследствии оказалось, что это «нормальный» процесс, и для работы двигателя обычно требовалось не меньше 18 часов зарядки.

План-схема подводной лодки Перяля

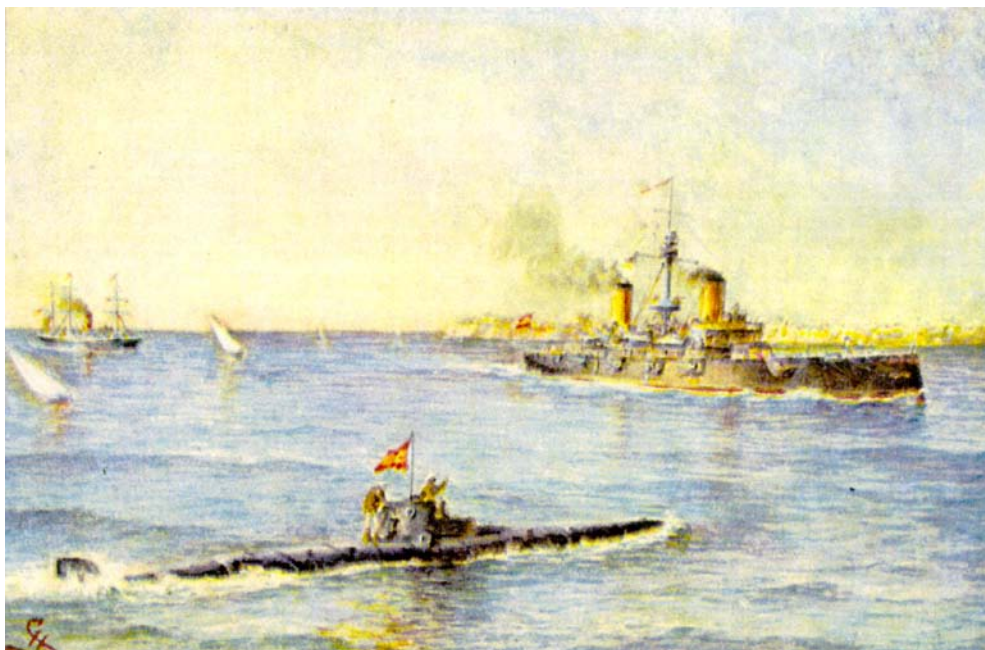
На каждом валу стояло по электромотору мощностью в 30 л.с., который запитывался от 125 батарей. Для удержания заданной глубины, кроме кормовых горизонтальных рулей, имелись два горизонтальных гребных винта, размещенных в специальных колодцах в носу и в корме. Для их вращения использовались свои электромоторы мощностью по 5 л.с. Для их питания было выделено еще 100 аккумуляторов. От такого же электродвигателя работали трюмные насосы, для которых было зарезервировано еще несколько батарей. И, наконец, оставшиеся батареи требовались для сильного подводного прожектора и прочего вспомогательного оборудования. Лодка, по уверениям изобретателя, могла развивать скорость в 11 узлов над водой и 10,5 под водой.

Вооружение состояло из носового торпедного аппарата. Впервые в мировой практике к торпедному аппарату прилагался запас в две торпеды, и аппарат можно было перезарядить прямо под водой! Экипаж – 6 человек, в том числе командир, три офицера-лейтенанта, один машинист и один унтер-офицер. Специальный аппарат для регенерации воздуха позволял экипажу работать под водой до двух дней. Перископов лодка не имела и потому боевое наблюдение осуществлялось через иллюминаторы в рубке. Предполагалось, что корабль пойдет в атаку именно в таком положении, когда над водой будет выступать примерно десятая часть рубки.

Представители флота с большим интересом осмотрели творение Перая и к 19 декабря был сформулирован список из восьми пунктов, по каждому из которых намечались испытания.

Первые пробные погружения были проведены в сухом доке № 2 адмиралтейства Ла Карраки. В январе-феврале здесь сперва провели проверку корпуса на водонепроницаемость и протестировали работу насосов и электродвигателей. После пробных пусков осуществлялся анализ качества воздуха во внутренних помещениях, чтобы определить насколько успешно экипаж может выполнять свои обязанности. Затем также в доке прошла серия пробных погружений, удифферентование и пристрелка торпедного аппарата, разумеется, без стрельбы боевой торпедой.

Непосредственно перед ходовыми испытаниями 6 марта состоялась торжественная церемония первого подъема боевого флага. А далее по системе каналов Сан Фернандо лодка вышла в Кадисскую бухту, чтобы приступить ко второй группе испытаний из выработанного списка.

Подводная лодка Пираля во время испытаний в надводном положении.

Сначала в течение нескольких дней отрабатывался надводный ход, во время которого проверялись батареи и двигатели, а также возможность стрельбы торпедным аппаратом и «прицельное оптическое устройство». За ними последовали испытания с погружением для отработки системы управления дифферентом. Хотя лодка и сумела показать 6-узловую скорость, испытания омрачились неприятным инцидентом: вышел из строя левый мотор. В ожидании нового, испытания пришлось прервать до мая.

После замены мотора испытания продолжились и отличались высокой интенсивностью: лодка выходила в море в свежую погоду, ходила полным ходом в надводном и подводном положениях, выполняла сложные эволюции и даже произвела пробные стрельбы. Все три торпеды, выпущенные с расстояния 500 м поразили стоявшее на якоре судно-мишень.

7 июня 1890 г. – важная веха в истории испанского подводного судостроения. Именно в этот день впервые испанская подводная лодка в погруженном состоянии произвела успешную торпедную атаку надводного корабля. Первоначально предполагалось, что этим кораблем станет понтон «Ферроль», но потом для большей эффектности на роль «жертвы» выбрали новейший крейсер «Кристобаль Колон». Сблизившись в подводном положении на 400 м, лодка произвела успешный пуск торпеды. Интересна деталь, несмотря на то, что на субмарине специально закрепили сигнальную мачту, почти две сотни вооруженных биноклями наблюдателей не смогли определить момент атаки. Сейчас об этой атаке напоминает выставленная в экспозиции военно-морского музея Картахены торпеда. Автора этих строк экскурсовод с большим энтузиазмом убеждал, что это та самая торпеда. Но, увы, как известно, на лодке Пералы стояла торпеда с 40 кг боевой частью, а в экспозиции выставлена 90 кг.

21 июня состоялось еще одна атака, на сей раз ночная. Но и теперь, несмотря на то, что за маневрами наблюдало до 500 человек, и в этом им помогал сильный прожектор, лодка приблизилась к «Кристобаль Колону» всего на десяток метров вновь оказавшись незамеченной.

На фоне таких казалось бы впечатляющих результатов, выводы Технической комиссии прозвучал неожиданно: *«изобретение лейтенанта Пералы по существу своему не представляет ничего нового, а лодка не выполняет обещанного изобретателем... таким образом, вопрос о подводном плавании, насколько он касается обороны берегов, не зашел дальше области испытаний»* [1]... Лодку сдали к арсеналу, через некоторое время ее разукomплектовали и выбросили за ненадобностью.

Российская библиография о лодке Исаака Пералы

До недавнего времени проблема испанских военно-морских инноваций казалась советской историографии парадоксальной. Не одно поколение отечественных испанистов воспитывалось на ленинском тезисе об испано-американской войне, что молодой американский хищник победил одряхлевшего испанского. В связи с этим сама возможность того, что в техническом аспекте испанцы могли превосходить американцев, даже не рассматривалась. А практически вся отечественная библиографическая база опиралась на военно-технические издания конца XIX – начала XX в. Это были публикации в отечественной периодике (переводы очерков и статей европейских авторов), например, журнале "Морской сборник", альманахе "Военные флоты и морская справочная книжка" [2] и др. Многочисленные обзоры и монографии по подводному судостроению или не уделяли места подводной лодке Пералы вообще, или ограничивались краткой заметкой. Тем временем, появились достаточно фундаментальные исследования испанских историков, заставившие по новому взглянуть на военно-морскую политику Испании вообще и на историю лодки Пералы в частности. Как ни странно, эта тенденция не коснулась отечественных авторов, по-прежнему находившихся под влиянием ленинской оценки. В результате, возникла точка зрения, что испанский бюрократизм не дал возможности в полной мере развернуться гению Пералы. Зачастую при этом цитировалась работа Г. Смирнова, ссылавшегося на анонимного автора в оценке результатов испано-американской войны: *"Если бы тогда у испанцев было 40-50 лодок Пералы, исход войны мог оказаться совсем иным..."* [3].

В постсоветское время, когда казалось бы пропала необходимость находиться в определенных идеологических рамках, российская историография тем не менее сохраняет упомянутую оценку как при рассмотрении биографии самого Пераля [4], так и при техническом описании его лодки [5]. Лишь в последнее время вопрос реальной оценки инновационного потенциала лодки сдвинулся с мертвой точки, благодаря активному цитированию испанских авторов и испанских документов [6–8].

Испанская историография вопроса

Обычно строительство принципиально нового вида оружия производится в обстановке строжайшей тайны, усугублявшейся случайным или преднамеренным уничтожением документов. И действительно, при сооружении ряда первых подводных лодок тайна была настолько строгой, что до нас дошли лишь фрагментарные сведения, как это было, например, с перуанской лодкой Фредерика Блюма [9]. Но что касается лодки Исаака Пераля, ее строительство и ход испытаний довольно широко обсуждался в прессе. В этой связи интересен факт, что первые публикации в испанской периодике появились еще в момент подачи Пералем письма в министерство [10]. В дальнейшем периодика довольно подобно осуждала ход строительства лодки и ее технические особенности [11]. Имелись заметки по этому вопросу, правда более краткие и не столь эмоциональные, и в официальных изданиях министерства [12]. Но наибольшую популярность субмарина получила во время испытаний, за которыми кроме официальной комиссии обычно наблюдала толпа зевак и журналистов. При этом подробно описывались как доковые испытания [13], пробные погружения в Кадисской бухте [14], так и официальные испытания [15, 16], в том числе и официальными изданиями министерства [17]. Спектр тем был довольно широк, так например, кроме технических деталей сообщались подробные личные данные об экипаже лодки [18]. Отказ военных от приема лодки на вооружение и передача ее Карракскому арсеналу, как ни странно, не встретила сочувствия в прессе. Хосе Эчегарай, видный испанский инженер, лауреат Нобелевской премии по литературе, прокомментировал эти события, сказав, что сразу после испытаний *"драма достигла пика своего напряжения: аудитория была возбуждена, она приняла участие в работе, аплодировала с остервенением, но всего за несколько месяцев вся нервная сила растратилась и наступили равнодушие, тишина и забвение. Необходимо было искать другие драмы, другие эмоции..."* [1].

Впрочем, интерес к субмарине возник уже спустя несколько лет. В связи с разгромом испанского флота в испано-американской войне, "акулы пера" начали поиски "козлов отпущения". В этой связи, среди многочисленных грехов министерству инспирировалось и отказ от вполне боееспособного проекта испанской субмарины [3]. Но имелись и более взвешенные оценки [19].

Новый интерес к личности Пераля и к его субмарине следует отнести к моменту Первой мировой войны, в которой подводные лодки продемонстрировали свой мощный потенциал. В этой связи читателям, на фоне успеха германских подлодок не лишним было напомнить, что у истоков подводного судостроения стояли и испанские инженеры [20]. Интересен факт, что именно в этой работе были впервые опубликованы чертежи лодки с автографом самого Пераля.

Межвоенный период стал временем расцвета испанского подводного судостроения. Испания начинает строить корабли этого класса не только для собственных военно-морских сил, но и на экспорт. В этой обстановке впервые наметилась тенденция канонизации Исаака Пераля, как гения нации [21, 22]. Свое логическое завершение эти веяния достигли в трудах Альфредо Агилеры, рассматривавшего лодку Пераля, как родоначальницу всех подводных лодок [23]. Отчасти эта тенденция сохранилась и до настоящего времени, так в работе С. Кастровьехо, посвященной подводным лодкам Первой мировой войны, субмарине Пераля уделено несколько страниц, хотя, она совершенно не вписывается в означенные автором хронологические рамки [24].

Но в целом, как уже упоминалось, с падением в Испании франкизма, историки получили возможность изучить ряд ранее секретных документов. На этой волне появились фундаментальные и весьма взвешенные труды об истории Пераля и его лодки, например, работа Д. Кеведо Кармоны [25]. Особое внимание заслуживает труды доктора А. Родригеса

Гонасалеса, в которых подробно анализируется влияние лодки Пераля на военно-морскую политику Испании [26], а также история ее постройки, испытаний и техническое описание [27].

Выводы

И так, опираясь на вышеизложенную библиографию постараемся разобраться с выявлением реального инновационного потенциала, заложенного в подводной лодке Пераля, по возможности уходя от излишне пафосных характеристик, присущих испанской историографии, и выявлению ее реальных боевых возможностей, чтобы избежать излишне пессимистичной оценки испанскому командованию, свойственной российской библиографии.

Действительно, на первый взгляд официальное заключение испанского министерства по поводу испытаний лодки выглядит парадоксальным, что дало возможность, например, А. Шеленкову [4] выдвинуть гипотезу о политических интригах вокруг изобретения Пераля. Но реальные причины этого вердикта гораздо прозаичнее. Среди пунктов, сформулированных 19 декабря 1888 г. оказались невыполнены всего два: погружение на максимальную глубину 30 м и учебная атака корабля в районе Гибралтара. В последнем случае требовалось перейти собственными силами в надводном положении из Кадиса до Альхесирасской бухты. Но, увы, испытания в Кадисской бухте показали невозможность ни первого ни второго. А, кроме того, не все гладко прошло и в ходе «успешных» июньских атак: так из-за дефекта балластного клапана лодка просто чудом не утонула. Поэтому в заключении комиссии и говорится, что идея подводного плавания не зашла дальше опытов и экспериментов: лодка в целом не годилась для ведения боевых действий – обладала слишком малой автономностью и плохой мореходностью. Это делало возможным ее применения лишь в "тепличных" условиях.

Впрочем, министерство было вполне готово сделать следующий логический шаг. 11 ноября 1890 г. выходит приказ Морского министра о сдаче лодки к порту, а Исааку Пералю рекомендовалось заняться проектированием новой лодки водоизмещением в 120 т. К сожалению, к этому времени здоровье изобретателя уже не позволило заняться совершенствованием своего детища и он, получив звание старшего лейтенанта, выходит в отставку.

Тем не менее, следует признать, что отдельные узлы и конструкции, разработанные Пералем, обогатили мировое судостроение. Следует отметить следующие технические инновации.

1. Аппарат для автоматического поддержания заданной глубины погружения (послуживший основой для современных аппаратов подобного назначения).

2. Компас с автоматической компенсацией магнитных возмущений от металлических элементов конструкций.

3. Командирская рубка, дающая возможность кругового наблюдения за горизонтом, со специальным кольцом, позволяющим измерять расстояние до цели.

4. Рефлектор электрической дуги, состоящий из линз и зеркал, позволяющий освещать на дальность до 150 м.

5. Электрический лаг, позволяющий производить счисление под водой с большой точностью.

6. Электрическая сирена.

7. Система регенерации воздуха, позволяющая находиться 12 чел. в ограниченном объеме. Углекислый газ при этом поглощался гидратом натриевой извести, а количество потребленного кислорода возобновлялось из баллонов сжатого воздуха. При увеличении давления внутри корпуса выше определенного предела срабатывал обратный клапан, выпускавший часть воздуха наружу.

В список основных инноваций следует добавить и общую компоновку субмарины, ведь в отношении подводного двигателя и торпедного вооружения Пераль предвосхитил гораздо более поздние подводные лодки.

Примечания:

1. Juan y Ferragut M. El submarino "Peral" // Revista General de Marina. 1988. № 10. P. 461–475.
2. Подводная лодка "Peral" // Военные флоты и морская справочная книжка на 1897 г. / Под ред. Е.И.В. Вел. князя Алексея Михайловича. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1897. С. 430–432.
3. Смирнов Г. "Исход войны мог оказаться совсем иным..." // Моделист Конструктор. 1974. № 2. С. 16.
4. Шеленков А. Исаак Пераль: моряк и изобретатель // Флотомастер. 2001. № 3. С. 10–18.
5. Сырица В. Удар из-под воды. Подводное кораблестроение во второй половине XIX века за рубежом // Флотомастер. 1999. № 1; 2000. № 1.
6. Анка А.А., Митюков Н.В. Переезд памятника // Флотомастер. 2006. № 4. С. 48–50.
7. Анка А.А., Митюков Н.В. Подводная лодка Исаака Пералья // Техника молодежи. 2007. № 2. С. 36.
8. Mitiuckow N.W. Pierwsze okręty podwodne Hiszpanii i Stanów Zjednoczonych // Okręty Wojenne. 2002. № 3. S. 6–11.
9. Бедойя Х.А., Митюков Н.В. Подводная лодка Федерико Блюма // Флотомастер. 2006. № 2. С. 4–9.
10. D. Isaac Peral y Caballero, teniente de navío, inventor de un torpedero submarino // La ilustracion Española y Americana. 1887. № XVI. 30 de Abril. P. 275, 277.
11. Acto de botar al agua el barco submarino "Peral", en el arcenal de la Carraca // La ilustracion Española y Americana. 1888. № XXXII. 30 de Septiembre. P. 177–179.
12. El submarine "Peral" // Revista General de Marina. 1888. T. XXIII. Octubre. P. 516–518.
13. El submarino "Peral". Pruebas parciales en el dique de la Carraca // La ilustracion Española y Americana. 1889. № XXXII. 30 de Agosto. P. 115, 121.
14. El submarino "Peral". Las pruebas de inmersión en la bahia de Cádiz // La ilustracion Española y Americana. 1889. № XXXIII. 15 de Diciembre. P. 355, 357.
15. Las pruebas oficiales del submarino "Peral". Regreso del "Peral" a la bahia de Cádiz, despues del simulacro de combate con el crucero "Colon" // La ilustracion Española y Americana. 1890. № XXV. 8 de Julio. P. 1–2.
16. Las pruebas oficiales del submarino "Peral" // La ilustracion Española y Americana. 1890. № XXII. 15 de Junio. P. 369–372.
17. Pruebas del "Peral" // Revista General de Marina. 1890. T. XXVI. Enero. P. 136–137.
18. D. Isaac Peral y Caballero, inventor del submarine de su nombre, y sus colaboradores // La ilustracion Española y Americana. 1889. № XLVII. 22 de Diciembre. P. 369, 370, 372.
19. Un recuerdo a "Peral" // Nuevo Mundo. 1898. 27 de Abril.
20. La evolucion del submarino reivindicación de una gloria nacional. El submarino "Peral" // La ilustracion Española y Americana. 1916. № XXXII. 30 de Agosto. P. 507–509.
21. Isaac Peral y su famoso submarino // Mundo Grafico. 1930. № 949. 8 de Enero.
22. En torno a Isaac Peral. Hablemos del glorioso inventor // Mundo Grafico. 1931. № 1038. 23 de Septiembre. P. 4–5.
23. Aguilera A. Buques de la Armada Espanola. Cronicas y Datos del 1885 al presente. Madrid: Editorial Naval, 1969. 241 p.
24. Castroviejo Vicente C. Submarinos Aliados en la Gran Guerra 1914–1918. Madrid: Real del Catorce Editores, S.L., 2006. 348 p.
25. Quevedo Carmona D. Tras la estela de Peral. Cartagena: Ediciones Mediterraneo, 1999. 283 p.
26. Rodríguez González A.R. Politica naval de la Restauracion (1875–1898). Madrid: Editorail San Martín, S.L., 1988. 522 p.
27. Busquets I Vilanova C., Campanera I Rovira A., Coello Lillo J.L., Rodríguez González A.R. Los submarinos españoles. Madrid: Aqualarga / Grupo Cultural, 2002. 326 p.

References:

1. Juan y Ferragut M. El submarino "Peral" // Revista General de Marina. 1988. № 10. P. 461–475.

2. Podvodnaya lodka "Peral" // Voennye floty i morskaya spravochnaya knizhka na 1897 g. / Pod red. E.I.V. Vel. knyazya Alekseya Mikhailovicha. SPb.: Tipografiya E. Goppe, 1897. S. 430–432.
3. Smirnov G. "Iskhod voiny mog okazat'sya sovsem inym..." // Modelist Konstruktor. 1974. № 2. S. 16.
4. Shelenkov A. Isaak Peral': moryak i izobretatel' // Flotomaster. 2001. № 3. S. 10–18.
5. Syritsa V. Udar iz-pod vody. Podvodnoe korablestroenie vo vtoroi polovine XIX veka za rubezhom // Flotomaster. 1999. № 1; 2000. № 1.
6. Anka A.A., Mityukov N.V. Pereezd pamyatnika // Flotomaster. 2006. № 4. S. 48–50.
7. Anka A.A., Mityukov N.V. Podvodnaya lodka Isaaka Peralya // Tekhnika molodezhi. 2007. № 2. S. 36.
8. Mitiuckow N.W. Pierwsze okręty podwodne Hiszpanii i Stanów Zjednoczonych // Okręty Wojenne. 2002. № 3. S. 6–11.
9. Bedoiya Kh.A., Mityukov N.V. Podvodnaya lodka Federiko Blyuma // Flotomaster. 2006. № 2. S. 4–9.
10. D. Isaac Peral y Caballero, teniente de navío, inventor de un torpedero submarino // La ilustracion Española y Americana. 1887. № XVI. 30 de Abril. P. 275, 277.
11. Acto de botar al agua el barco submarino "Peral", en el arsenal de la Carraca // La ilustracion Española y Americana. 1888. № XXXII. 30 de Septiembre. P. 177–179.
12. El submarine "Peral" // Revista General de Marina. 1888. T. XXIII. Octubre. P. 516–518.
13. El submarino "Peral". Pruebas parciales en el dique de la Carraca // La ilustracion Española y Americana. 1889. № XXXII. 30 de Agosto. P. 115, 121.
14. El submarino "Peral". Las pruebas de inmersión en la bahia de Cádiz // La ilustracion Española y Americana. 1889. № XXXIII. 15 de Diciembre. P. 355, 357.
15. Las pruebas oficiales del submarino "Peral". Regreso del "Peral" a la bahia de Cádiz, despues del simulacro de combate con el crucero "Colon" // La ilustracion Española y Americana. 1890. № XXV. 8 de Julio. P. 1–2.
16. Las pruebas oficiales del submarino "Peral" // La ilustracion Española y Americana. 1890. № XXII. 15 de Junio. P. 369–372.
17. Pruebas del "Peral" // Revista General de Marina. 1890. T. XXVI. Enero. P. 136–137.
18. D. Isaac Peral y Caballero, inventor del submarine de su nombre, y sus colaboradores // La ilustracion Española y Americana. 1889. № XLVII. 22 de Diciembre. P. 369, 370, 372.
19. Un recuerdo a "Peral" // Nuevo Mundo. 1898. 27 de Abril.
20. La evolucion del submarino reivindicación de una gloria nacional. El submarino "Peral" // La ilustracion Española y Americana. 1916. № XXXII. 30 de Agosto. P. 507–509.
21. Isaac Peral y su famoso submarine // Mundo Grafico. 1930. № 949. 8 de Enero.
22. En torno a Isaac Peral. Hablemos del glorioso inventor // Mundo Grafico. 1931. № 1038. 23 de Septiembre. P. 4–5.
23. Aguilera A. Buques de la Armada Espanola. Cronicas y Datos del 1885 al presente. Madrid: Editorial Naval, 1969. 241 p.
24. Castroviejo Vicente C. Submarinos Aliados en la Gran Guerra 1914–1918. Madrid: Real del Catorce Editores, S.L., 2006. 348 p.
25. Quevedo Carmona D. Tras la estela de Peral. Cartagena: Ediciones Mediterraneo, 1999. 283 p.
26. Rodríguez González A.R. Politica naval de la Restauracion (1875–1898). Madrid: Editorail San Martín, S.L., 1988. 522 p.
27. Busquets I Vilanova C., Campanera I Rovira A., Coello Lillo J.L., Rodríguez González A.R. Los submarinos españoles. Madrid: Aqualarga / Grupo Cultural, 2002. 326 p.

УДК 629.5(091): 94(460).085

Подводная лодка Исаака Пераля и мировое судостроение

Николай Витальевич Митюков

Ижевский государственный технический университет, Российская Федерация
Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Российская Федерация
д-р техн. наук, доцент
E-mail: nico02@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос о влиянии подводной лодки Исаака Пераля на мировое судостроение. Изложена краткая история создания и испытания подводной лодки, а также ее техническое описание. Дается библиографический обзор отечественных и испанских источников. Показано, что мнение испанских авторов о значении подводной лодки зачастую имеет тенденцию к преувеличению. Отечественные авторы, ориентирующиеся на советские идеологические установки, в оценке лодки также предвзяты. В выводах показано, что решение испанского министерства не принимать на вооружение лодку Пераля связано с нерешенными техническими проблемами, исключающими ее полноценное боевое применение, в том числе ограниченные автономность и мореходность. Дается список впервые примененных инноваций.

Ключевые слова: история судостроения; Испания; подводная лодка; военно-морские инновации.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 94-47

Militarization of South-Russian Peasants' Leisure in 1920s

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russian Federation
26a Sovetskaya Str., Sochi, Krasnodar Region
PhD (History), Assistant Professor

Abstract. The paper is focused on the formation of new leisure activities amidst South-Russian peasants by the establishment of the state system of institutions, preparing population for war, expectation of 'world revolution' in 1920s. The mechanism of Soviet ideological system paradigms realization, related to peasantry on the south of Russia is traced back, the first results of peasants' leisure militarization during New Economic Policy are presented. The paper considers the matters of Soviet person mentality formation in terms of fundamental change of peasants' leisure activities and the construction of state ideological system of the expected world revolutionary changes.

Keywords: Soviet power; peasantry; leisure; militarization; military games; world revolution; New Economic Policy.

Введение. Традиционный мир крестьянства – это культурное пространство национальной идентификации. Исторический дискурс позволяет утверждать, что подобный мир крайне трудно подвергается модернизации системы социальных связей, передаче обычаев, традиций следующим поколениям, как носителям народной культуры. Советская же власть с началом завоеваний и с созданием диктатуры пролетариата и трудящегося крестьянства поставила задачу революционных изменений крестьянского мира. Период новой экономической политики 1920-х годов стал этапом подготовки крестьянского класса к чрезвычайным мерам сталинской модернизации, где уже нет места церкви, религиозным устоям народной культуры. Одним из методов создания нового советского человека становится военная подготовка, пропаганда ожидаемой войны за мировую революцию.

Этот компонент позволяет нам исследовать методы и способы работы военизированных государственных организаций с крестьянской средой Дона, Кубани, Ставрополя в 1920-е гг.

Материалы и методы. Основой статьи послужил различный источниковедческий материал: нарративные источники, периодическая печать, архивные, статистические и нормативно-правовые материалы 1920-х годов. Историческая ретроспектива позволяет произвести анализ процессов модернизации крестьянского традиционного социума в условиях формирования советских государственных программ военной подготовки. С этой целью применялись методы: сравнительно-исторический, статистический, логический и многие другие.

Обсуждение. В Советском Союзе, который объявлялся большевистскими агитаторами и пропагандистами (и, воспринимался значительной частью населения) как окруженная враждебными силами капитализма социалистическая крепость, степень милитаризации повседневной жизни изначально была высока. Советские граждане должны были не только улучшать свою физическую подготовку, но и овладевать военным делом,

дабы в случае весьма вероятной войны защитить свою Отчизну от агрессоров. Задача военного обучения допризывного контингента была тем более актуальна, что в рассматриваемый период времени вооруженные силы Советского Союза строились по территориально-милиционной системе, когда лишь небольшая часть армии была кадровой, а основная масса военнослужащих на протяжении ряда лет проходила краткосрочные (два – три месяца) лагерные сборы [1]. При этом военная подготовка являлась не только неизменным компонентом учебного процесса в тех или иных образовательных учреждениях, не только целью деятельности различных общественных объединений (Добролет, Доброхим, Авиахим, Осоавиахим), но и одним из существенных способов проведения свободного времени как в городе, так и в деревне.

Здесь уместно подчеркнуть, что значительная часть мер по осуществлению военно-образовательных мероприятий в советской доколхозной деревне 1920-х гг. возлагалась на избы-читальни, которые стали новыми центрами досуга в ходе реализации программы ликвидации беграмотности. Вышестоящее руководство постоянно напоминало работникам данных учреждений о необходимости проведения оборонной работы: так, на проходившем в марте 1927 г. Первом Всероссийском съезде избачей весьма важным признавалось «содействие обороне страны» [2]. Выполнять поставленную задачу работники изб-читален могли, как подбором соответствующей литературы, так и путем организации военно-спортивных кружков, что достигалось в сотрудничестве с представителями командования воинских частей, демобилизованными красноармейцами [3], а также инструкторами и членами вышеуказанных общественных оборонных организаций, – Военно-научного общества (создано в 1920 г., в 1926 г. переименовано в Общество содействия обороне СССР – ОСО), Российского общества добровольного воздушного флота (Добролет, создано в 1923 г.), Общества друзей химической обороны и промышленности (Доброхим, создано в 1924 г.), Авиахима (создан путем слияния Добролета и Доброхима в 1925 г.) и, наконец, Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим, возникшее в 1927 г. путем объединения Авиахима и Общества содействия обороне). Отнюдь не все военно-спортивные кружки в 1920-х гг. создавались и действовали при избах-читальнях, но даже в этом случае многие из них тяготели к отмеченным сельским учреждениям культуры и досуга.

На досуге, просматривая в избе-читальне газеты и журналы, крестьяне должны были получать новости о международном положении, одновременно усваивая политинформацию о врожденной агрессивности капиталистических держав и, напротив, о неизменном миролюбии советского государства. Дабы научить членов военно-спортивных кружков основам умения читать карты и развить у них зачатки стратегического мышления, в 1927 г. специалисты рекомендовали им повесить в своем кружке «карту текущих военных действий. Ведь сейчас в Китае идут военные действия, в империалистических колониях также идет война. Следите за газетами, отмечайте на карте флажками ход военных действий» [4]. В журналах печатались и узкоспециальные военные материалы об устройстве оружия и защитного снаряжения. Так, в номерах журнала «Новая деревня» содержались снабженные иллюстрациями и схемами, весьма подробные описания устройства и действия винтовки Мосина (знаменитой «трехлинейки») [5] и противогАЗа [6]. Тем самым, наблюдалась взаимосвязь военного обучения и чтения периодики как одной из практик сельского досуга.

Что касается военно-спортивных кружков и различных военных уголков при избах-читальнях, клубах, народных домах, то, как уже отмечалось выше, обычно они действовали под эгидой тех или иных вышеперечисленных военно-патриотических общественных организаций. С 1927 г. монополистом в данной сфере стал Осоавиахим, инструкторы и активисты которого создавали военно-спортивные ячейки, как в городе, так и на селе.

В ряде случаев, сельские кружки различных общественных военно-патриотических объединений (впоследствии – Осоавиахима) могли достигать довольно заметной численности. Так, к началу 1928 г. на базе комсомольской ячейки станицы Уманской Павловского района Кубанского округа Северо-Кавказского края был создан отряд осоавиахимовцев численностью 180 человек, члены которого поставили «себе задачу: изучить военное дело, уметь владеть винтовкой» [7].

В целом, однако, удельный вес членов различных военно-спортивных кружков в массе сельского населения был невысок. Например, в марте 1926 г. в газете «Молот» были

помещены восторженные отзывы о том, что в Белореченском районе Майкопского округа Северо-Кавказского края «интерес к обществу Авиахима среди крестьянства настолько большой, что записываются в члены целыми хуторами». Однако, результаты этих «записей целыми хуторами» не очень-то впечатляли. По материалам газеты, на 50 тыс. жителей района приходилось 2 200 членов Авиахима [8]. То есть, доля последних в населении района составляла лишь 4,4 % (следует добавить, что, согласно Всесоюзной переписи населения, в Белореченском районе проживало не 50 тыс., а около 61,6 тыс. человек [9] и, значит, удельный вес членов Авиахима был еще ниже). По имеющимся данным, в 1927 г. по всему Северо-Кавказскому краю ячейками Осоавиахима было охвачено лишь 2,4 % населения [10]. Соответственно, военно-спортивные занятия, – как по всему Советскому Союзу, так и на Юге России, – представляли собой форму досуга для очень небольшой части сельского населения. Прежде всего, для молодых людей.

Как и в случае со спортивными занятиями, в процессе военного обучения выделялась стрельба из винтовки, – основного оружия пехоты в рассматриваемый период времени. Специалисты даже возмущались тем, что «в большинстве случаев военная подготовка ограничивается лишь обучением стрельбе, да и это обучение сплошь и рядом ведется бессистемно и беспорядочно». На самом же деле, указывали они, «вопросы военной подготовки не исчерпываются распространением только стрелкового спорта среди занимающихся в физкультурных кружках. Нужно во всю практику кружковой работы внедрить упражнения военно-прикладного характера» [11].

Однако, представители воинских частей, инструкторы военно-патриотических обществ, руководители и активисты военно-спортивных кружков уделяли основное внимание именно стрелковому спорту. Во-первых, подобные мероприятия было легче всего организовать (хотя, нередко, винтовок не хватало [12]) и, во-вторых, стрельба гораздо больше нравилась молодежи, чем, скажем, утомительные тренировки с противогазами. Учитывая предпочтения молодых жителей села, энтузиасты военной подготовки и предпочитали развивать в деревне стрелковый спорт.

Так, весной 1926 г. Донецкий окружной ВКП(б) Северо-Кавказского края разослал всем райкомам компартии циркулярное письмо, в котором уведомлял, что в районах расположения территориального полка создаются межведомственные комиссии для руководства работой среди красноармейцев переменного состава (то есть, призывников и военнослужащих территориальных частей). В числе их задач была указана и такая, как «способствование развитию спорта, особенно тех его видов, которые позволяют вырабатывать отдельные качества бойца (стрелковый спорт и др.)». Члены Донецкого окружного комитета специально подчеркивали, что «в летнее время крестьянство занято полевыми работами» и, дабы «привлечь в военные уголки красноармейцев и допризывников, потребуется применить такие формы и методы работы, которые смогли бы их заинтересовать. В этом случае нужно в первую очередь добиться организации стрелковых кружков и снабжению их ружьями и стрелковыми приборами» [13]. Интерес к стрельбе подпитывался тем, что на Юге России (как, впрочем, и по всей стране) неоднократно устраивались соревнования разных уровней на самого искусного снайпера. В частности, в Северо-Кавказском крае в честь десятилетнего юбилея Рабоче-крестьянской Красной армии проходил конкурс на лучшего стрелка и лучшую стрелковую ячейку [14].

Если по каким-либо причинам организовать военный кружок в конкретном сельском населенном пункте не удавалось, это не означало, что его жители были навсегда лишены возможности пострелять на досуге. Выход из ситуации заключался в создании передвижных тиров. Например, в 1928 г., в преддверии праздника 23 февраля, в Северо-Кавказском крае была устроена «неделя обороны», в рамках которой наблюдалась активизация деятельности соответствующих учреждений. Члены Тихорецкой организации Осоавиахима отличились тем, что «ездили с передвижным тиром и противогазами даже по окрестным станицам» [15].

Иной раз в прессе встречаются рекомендации по максимально возможному превращению военного обучения в средство городского и сельского досуга. Чрезвычайно показательна следующая рекомендация, помещенная неким «Б.П.» в журнале «Новая деревня» в 1927 г.: «взять, например, простую прогулку в поле, в лес, на реку. Разве нельзя сделать такую прогулку военной? Конечно, можно! Рассчитайте расстояние до конечной цели прогулки, будь это опушка леса, река, место богатое ягодами или грибами. Идите к

этому месту походным порядком. Постройте членов прогулки по-военному. Вышлите дозор, а когда местность будет интересная – проведите показательное наступление на предполагаемого противника. По дороге можно выбирать позиции и занимать их, как в настоящем бою. Используйте каждую прогулку для того, чтобы упражнять глазомер в определении расстояний до тех или иных местных предметов. Очень интересно и занимательно проводить двусторонние занятия... Для этого надо разбить ячейку [Осоавиахима] на две группы. Первая группа уйдет немного раньше и займет определенную позицию. Вторая группа, конечно, не должна знать о поджидающей ее опасности. Вторая группа двигается со всеми мерами разведки и охранения. Обнаружит или не обнаружит она «врага?»»[16]

Источниковедческий материал позволяет увидеть картину повседневности крестьянского мира в системе различных методов и способов Советского государства в 1920-е годы по выработыванию новых стереотипов поведения советского человека: ожидания мировой революции, военная игра и подготовка к службе в армии по защите социалистической революции.

Заключение. Советская государственная система стремилась реализовать программу военно-спортивных мероприятий, как составляющую часть сельского досуга в 1920-х гг. в советской (в том числе, южно-российской) деревне. Но при этом, военизация населения не получила широкого распространения в крестьянской среде, затронув лишь молодежь, которая рассматривала все мероприятия как увлеченность военным делом. Именно эта среда и станет авангардом сталинской модернизации 1930-х годов, подготовленная общественными делами советских государственных органов.

Примечания:

1. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР 1924 – 1925 гг. – М., 1958. С. 13; Тархова Н.С. Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928 – 1933 гг. Дис. ... докт. ист. наук. – Саратов, 2006. С. 108; Геллер И. Выгоды службы в территориальной Красной армии // Советский пахарь. 1925. 23 февраля.
2. Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 17.
3. Члены Донецкого окружкома ВКП(б) Северо-Кавказского края указывали в 1926 г., что в качестве руководителей стрелковых кружков и кружков военных знаний следует привлекать «начальствующий состав запаса и демобилизованных красноармейцев» (Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 75, оп. 1, д. 68, л. 4). В одной из газетных публикаций содержалось следующее напоминание уходящим в отпуск и демобилизованным военным служащим: «Организация военных уголков при избах-читальнях и активное руководство ими – твоя работа, отпускник!» (Иванов. Отпускник, не забудь военную пропаганду! // Молодой ленинец. 1925. 27 сентября).
4. Б.П. В поле! // Новая деревня. 1927. № 12. С. 51.
5. Простосинский Б. Винтовка образца 1891 года // Новая деревня. 1927. № 20. С. 55.
6. Простосинский Б. Современный противогаз // Новая деревня. 1927. № 24. С. 40.
7. М. В гуще населения // Молот. 1928. 18 февраля.
8. Отовсюду // Молот. 1926. 27 марта.
9. Казачество Северо-Кавказского края. С. 5.
10. Конкурс на лучшего стрелка // Молот. 1928. 12 февраля.
11. Склярский В. Физкультура – массам // Молот. 1928. 1 февраля.
12. В прессе содержатся утверждения, что «большинство кружков не имеет приличного оружия. Встречаются кружки с одной, максимум, двумя, винтовками на 40–50 человек. В результате от непрерывного, а подчас и небрежного употребления, оружие приводится в негодность» (Участник. Стрелковое дело не на высоте // Молот. 1928. 18 февраля).
13. ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 68, л. 4.
14. Конкурс на лучшего стрелка // Молот. 1928. 12 февраля.
15. М. В гуще населения // Молот. 1928. 18 февраля.
16. Б.П. В поле! // Новая деревня. 1927. № 12. С. 50.

References:

1. Berkhin I.B. Voennaya reforma v SSSR 1924 – 1925 gg. – M., 1958. S. 13; Tarkhova N.S. Krasnaya Armiya i kollektivizatsiya sovetskoi derevni. 1928 – 1933 gg. Dis. ... dokt. ist. nauk. – Saratov, 2006. S. 108; Geller I. Vygody sluzhby v territorial'noi Krasnoi armii // Sovetskii pakhar'. 1925. 23 fevralya.
2. Shiryamov A. Pervyi Vserossiiskii s'ezd zaveduyushchikh izbami-chital'nyami // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1927. № 2. S. 17.
3. Chleny Donetskogo okruzhkoma VKP(b) Severo-Kavkazskogo kraya ukazyvali v 1926 g., chto v kachestve rukovoditelei strelkovykh kruzhkov i kruzhkov voennykh znanii sleduet privlekat' «nachal'stvuyushchii sostav zapasa i demobilizovannykh krasnoarmeitsev» (Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNI RO), f. 75, op. 1, d. 68, l. 4). V odnoi iz gazetnykh publikatsii sodержalos' sleduyushchee napominanie ukhodyashchim v otpusk i demobilizovannym voennosluzhashchim: «Organizatsiya voennykh ugol'kov pri izbakh-chital'nyakh i aktivnoe rukovodstvo imi – tvoya rabota, otpusnik!» (Ivanov. Otpusnik, ne zabud' voennuyu propagandu! // Molodoi leninets. 1925. 27 sentyabrya).
4. B.P. V pole! // Novaya derevnya. 1927. № 12. S. 51.
5. Prostosinskii B. Vintovka obraztsa 1891 goda // Novaya derevnya. 1927. № 20. S. 55.
6. Prostosinskii B. Sovremennyi protivogaz // Novaya derevnya. 1927. № 24. S. 40.
7. M. V gushche naseleniya // Molot. 1928. 18 fevralya.
8. Otovsyudu // Molot. 1926. 27 marta.
9. Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya. S. 5.
10. Konkurs na luchshego strelka // Molot. 1928. 12 fevralya.
11. Sklyarskii V. Fizkul'turu – massam // Molot. 1928. 1 fevralya.
12. V presse sodержatsya utverzhdeniya, chto «bol'shinstvo kruzhkov ne imeet prilichnogo oruzhiya. Vstrechayutsya kruzhki s odnoi, maksimum, dvumya, vintovkami na 40–50 chelovek. V rezul'tate ot bespreryvnogo, a podchas i nebrezhnogo upotrebleniya, oruzhie privoditsya v negodnost'» (Uchastnik. Strelkovoe delo ne na vysote // Molot. 1928. 18 fevralya).
13. TsDNI RO, f. 75, op. 1, d. 68, l. 4.
14. Konkurs na luchshego strelka // Molot. 1928. 12 fevralya.
15. M. V gushche naseleniya // Molot. 1928. 18 fevralya.
16. B.P. V pole! // Novaya derevnya. 1927. № 12. S. 50.

УДК 94-47

Военизация досуга южно-российского крестьянства в 1920-е годы

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26а
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса становления новых форм досуга в среде южно-российского крестьянства через создание государственной системы учреждений подготовки населения к военным действиям, к ожиданию свершения «мировой революции» в 1920-е годы. Прослеживается механизм реализации парадигм советской идеологической системы по отношению к крестьянскому миру на Юге России, подводятся первые итоги военизации досуговой среды крестьянства в период НЭПа. В статье рассматриваются вопросы формирования нового менталитета советского человека в условиях кардинального изменения традиционных форм крестьянского досуга и строительства государственной идеологической системы ожидаемых мировых революционных изменений.

Ключевые слова: советская власть; крестьянство; досуг; военизация; военные игры; мировая революция; НЭП.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 94(47)

“Three Fights at Prokhorovka” in July of Nineteen Forty Two...*

Vladimir I. Afanasenko

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Researcher

Abstract. Few tank fights took place at the southern flank of Soviet-German front. They can be compared to tank fight at Prokhorovka on 12-13 July, 1943. The article tells about the three fights at Prokhorovka in July of nineteen forty two.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet-German front; tank fights in summer of 1942.

Введение. В июле 1942 года на южном крыле советско-германского фронта произошло три крупных танковых сражения, по количеству бронетехники и личного состава вполне сопоставимых с всемирно известным танковым сражением под Прохоровкой 12-13 июля 1943 года в ходе битвы на Курской дуге. В отличие от Прохоровки 1943 года, «Прохоровки 1942 года» исследованы недостаточно. Нет анализа причин огромных потерь танковых войск РККА в этих сражениях, недостаточно прослеживается главное – к лету сорок второго, а не к лету сорок третьего, вермахт получил качественное превосходство в средствах противотанкового вооружения и создал структуры, позволяющие эффективно бороться с советским количественным превосходством в танках.

Материалы и методы. В данной статье рассматриваются ход и результаты трех танковых сражений на южном крыле советско-германского фронта в июле 1942 года; дан краткий анализ причин огромных потерь в бронетехнике войск Брянского и Сталинградского (1-го формирования) фронтов. Источниковая база данного исследования включает архивные материалы, мемуарную литературу, сетевые ресурсы Интернета [1-13].

Обсуждение. Первая «Прохоровка 1942 года» состоялась 30 июня – 3 июля на левом фланге Брянского фронта в полосе 13-й и 40-й армий. В четырех отдельных танковых бригадах и пяти танковых корпусах Брянского фронта (командующий – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков), принявших участие в танковом сражении, на 28 июня числилось **968** танков, в том числе 145 КВ и 351 Т-34, а также 43 МК-3 «Валентайн» и 2 МК-2 «Матильда». Остальные 427 танков были легкими типа БТ, Т-60, Т-70 [1]. Имея сведения разведки, что в полосе Брянского фронта располагаются мощные советские бронетанковые соединения, германское командование максимально насытило свои войска модернизированной техникой, **способной на равных бороться с Т-34 и КВ.** В составе 4-й танковой армии армейской группы «Вейхс» имелось 76 танков Т-4 с 75-мм длинноствольной пушкой KwK 40 (длиной 43 калибра). В ходе июльских боев в танковые части вермахта на юге стали поступать средние танки Т-4 (Ausf.G) с еще более мощной 75-мм пушкой KwK L48 (длиной

* Статья подготовлена в рамках проекта «Великая Отечественная война в исторической памяти Юга России» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012-2014 гг.

48 калибров). В дивизионе штурмовых орудий мотодивизии «Великая Германия» две батареи (14 единиц) оснащались новыми модификациями САУ StuG III Ausf.F (длина ствола 75-мм пушки – 43 калибра) или StuG III Ausf.F8 (длина ствола 75-мм пушки – 48 калибров). Моторизованные дивизии в составе своих танко-истребительных дивизионов имели по батарее самоходных истребителей танков «Мардер II», с 76,2-мм советской трофейной пушкой Ф-22, (Рак 36(г) с длиной ствола – 54,8 калибра). В моторизованной дивизии «Великая Германия» по одной батарее из 9 САУ было в каждом из двух пехотных полков дивизии. Вместе с 315 танками Т-3 модификаций J и M с 50-мм длинноствольными пушками KwK L/60, немецкая танковая группировка являлась грозной силой. Всего в 4-й танковой армии вермахта вместе с приданными соединениями насчитывалось около 250 тыс. человек, 799 орудий полевой артиллерии, 378 противотанковых пушек, 252 миномета, а также 828 зенитных орудий всех калибров. Ударную силу составляли **733** танка и около **70** штурмовых орудий.

28 июня 1942 года немцы начали наступательную операцию «Блау» в полосе обороны 13-й и 40-й армий Брянского фронта. К исходу дня немецкие соединения продвинулись на 10–12 км. Исходя из оперативных сводок армий, командование фронта вечером 28 июня стало принимать меры по противодействию немецкому наступлению. Войска 13-й и 40-й армий получили приказы об удержании оборонительных полос. 40-ю армию усилили двумя отдельными танковыми бригадами из резерва фронта: 115-й (8 KB, 20 Т-34, 20 Т-60) и 116-й (8 KB, 18 Т-34, 20 Т-60). На рубеж реки Кшень, на стык 13-й и 40-й армий, выдвигался 16-й танковый корпус, а западнее реки, на левый фланг 13-й армии – 1-й танковый корпус. Беспокойство за положение на воронежском направлении проявила Ставка ВГК. По ее директиве из состава Юго-Западного фронта передавались 4-й и 24-й танковые корпуса, выдвигающиеся в район Старого Оскола. Из резерва Ставки ВГК поступал 17-й танковый корпус, двигавшийся от Воронежа к Касторное [2]. Силы сторон были примерно равны. Однако и командование фронта, и командующие армиями не сумели грамотно использовать прибывающие резервы, так как весьма смутно представляли себе реальную текущую обстановку. Участок главного удара противника определился, но его силы, группировка и замыслы не были раскрыты, поскольку не имелось ни пленных, ни документов. Наша воздушная разведка оказалась полностью вытесненной из района боевых действий и не дала никаких данных о передвижениях немцев. Командные пункты управления находились в 70–100 км от войск, поэтому прибывающим соединениям и частям задачи ставились по карте или по телефону, в лучшем случае через офицеров связи. Несмотря на то что ситуация на фронте ухудшалась с каждым часом, командование Брянского фронта пребывало в состоянии странной эйфории и считало, что, теперь «задавит» противника мощным «танковым кулаком». Для разгрома прорвавшегося врага командование Брянского фронта готовило два удара. С севера, из района Ливны, нанести удар должны были 1-й и 16-й танковые корпуса, а навстречу им, из района Горшечное – 4-й, 17-й и 24-й танковые корпуса. И в Ставке и в штабе фронта считали, что такими силами Брянский фронт сможет разгромить прорвавшуюся немецкую группировку и восстановить положение.

Три танковых корпуса, наступавшие из района Горшечное, объединялись в оперативную группу под командованием генерал-лейтенанта танковых войск Я.Н. Федоренко – начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии, специально прибывшего на фронт для оказания помощи в организации действий танковых соединений. Командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Голиков получил от начальника Генштаба РККА распоряжение, в котором, в частности, говорилось: «...запомните хорошенько, у вас теперь на фронте около 1000 танков, а у противника нет и 500 танков. Это первое. Второе – на фронте действия трех танковых дивизий у вас собралось более 500 танков, а у противника 300–400 танков самое большее. Все теперь зависит от вашего умения использовать эти силы и управлять ими по-человечески...» [3]. К сожалению, умения управлять и использовать концентрировано пять танковых корпусов и четыре отдельных танковых бригады ни командованию фронта, ни начальнику главного автобронетанкового управления еще не доставало. Массированной атаки трех танковых корпусов оперативной группы Федоренко в районе Горшечное не получилось. Вместо трех корпусов и двух отдельных бригад против 48-го танкового корпуса противника дрались только отдельные подразделения и бригады из 4-го и 17-го танковых корпусов. В полосе 13-й

армии генерала Н.И. Пухова попытки 24-й танкового корпуса вермахта в составе 9-й, 11-й танковых и 3-й моторизованной дивизий продвинуться на север 29–30 июня успешно отражались. 1-й и 16-й танковые корпуса, введенные в бой южнее Ливны, действовали как общевойсковые соединения и, опасаясь за фланги и тылы, не предпринимали наступательных операций. 1 июля бригады 1-го танкового корпуса генерала М.Е. Катуква медленно теснили войска противника в районе Редькино и прилегающих высот. В этот же день немецкие войска атаковали 15-ю мотострелковую, 107-ю, 109-ю и 164-ю танковые бригады 16-го танкового корпуса генерала М.И. Павелкина. Разгорелось ожесточенное танковое сражение. Оборона корпуса в считанные часы развалилась на отдельные очаги сопротивления, а управление было полностью нарушено. Причем германское командование так умело организовало удары, что бригады корпуса не могли помочь друг другу. 2 июля основные бои в полосе 16-го танкового корпуса развернулись в районе Васильевки. Это сражение было нами проиграно. Для 1-го танкового корпуса день 2 июля прошел в локальных боях с наступающими германскими частями. Но инициатива была у немцев, а наши танковые бригады действовали разнонаправленно. Поставленная 1-му танковому корпусу наступательная задача была не выполнена. В полосе 40-й армии обстановка продолжала осложняться. В ночь на 3 июля в районе Старый Оскол, Горшечное соединились передовые части 4-й танковой армии и 40-го танкового корпуса 6-й полевой армии вермахта. В окружение попали 6-я, 8-я, 227-я, 297-я, 301-я стрелковые дивизии 21-й армии и части 13-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и левофланговые соединения 40-й (212-я, 45-я, 62-я стрелковые дивизии, 141-я отдельная стрелковая бригада) армии Брянского фронта. Но так как «добыча» по германским меркам была мала (по немецким оценкам, в Старооскольском котле находилось около 50 тыс. чел.), сплошного фронта окружения немцы создавать не стали. Потери 17-го танкового корпуса генерал-майора Н.В. Фекленко составили **132 танка** (23 КВ, 62 Т-34, 47 Т-60). На 7 июля в 24-м танковом корпусе генерал-майора В.М. Баданова числился исправным 81 танк (12 КВ, 26 Т-34, 17 М3 «Стюарт», 26 Т-60). Потери: 12 КВ, 27 Т-34, 29 Т-60, 4 М3 «Стюарт», всего **72 танка**. В 16-м танковом корпусе осталось 20 боеспособных танков, еще 25 были эвакуированы на ремонтные базы. Из 88 «тридцатьчетверок» корпуса в строю осталось 6 боевых машин. За четыре дня боёв 16-й танковый корпус потерял **136** танка из 181. 4-й танковый корпус генерал-лейтенанта Г.А. Мишулина лишился **163** боевых машин. Фактически полностью потеряли матчасть 14-я, 115-я, 116-я, 170-я отдельные танковые бригады. В «Журнале боевых действий» 24-й танковой дивизии вермахта в записи от 30 июня отмечено, что в районе Гологуловки 115-я и 116-я танковые бригады в своей основной массе уничтожены. Захвачено 28 танков (большой частью Т-34 и КВ). 1 июля были захвачены еще 23 танка [4]. 9-я и 11-я танковые дивизии вермахта в боях с 28 июня по 4 июля уничтожили 263 советских танка [5]. Суммарные потери в танках войск Брянского фронта в первой «Прохоровке» июля сорок второго года составили **719** единиц [6].

Вторая «Прохоровка» в июле сорок второго произошла через три дня в полосе того же Брянского фронта. В ночь на 4 июля командующий 5-й танковой армией генерал-майор А.И. Лизюков получил директиву Ставки о подготовке и проведении контрудара. В ней говорилось: «Ударом в общем направлении Землянк, Хохол (35 км юго-западнее Воронежа) перехватить коммуникации танковой группировки противника, прорвавшейся к реке Дон на Воронеж; действиями по тылам этой группы сорвать ее переправу через реку Дон. С выходом в район Землянк, Хохол помочь отходу левого крыла 40-й армии через район Горшечное, Старый Оскол на Воронеж...» [7]. Утром 4 июля на КП Брянского фронта прибыл начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский и сразу выехал в штаб 5-й танковой армии. Здесь он в присутствии начальника штаба фронта генерала М.И. Казакова уточнил задачу. В 5-й танковой армии имелся 641 танк, у противника севернее Касторное было не более 270 танков и САУ, которые уже в течение недели вели ожесточенные бои. При нашем численном превосходстве 9-я и 11-я танковые дивизии противника могли быть разбиты и войска левого крыла фронта получили бы возможность закрепиться на оборонительном рубеже западнее Дона. Операцию было приказано начать не позднее 15–16 часов 5 июля, не ожидая полного сосредоточения всех сил армии. Директивой Ставки ВГК, полученной в 2 часа ночи 5 июля, в состав армии был включен 7-й танковый корпус (3-я гвардейская, 62, 87-я танковые и 7-я мотострелковая

бригады) полковника П.А. Ротмистрова (178 танков). 7-му танковому корпусу, переброшенному из Калинина, ставилась задача, указанная в директиве Ставки. 11-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова, без 12-й мотострелковой бригады, должен был ударом в направлении Вислая Поляна, Казинка, взаимодействуя с 7-м танковым корпусом, овладеть Казинка, Долгое, Зацепино, а в дальнейшем – Верхнее и Нижнее Турово. 2-й танковый корпус генерала И.Г. Лазарева, без 2-й мотострелковой бригады, получил приказ наступать за 7-м танковым корпусом в направлении Перекоповка, Землянск, Хохол. 148-я танковая бригада этого корпуса в районе Нерезжа, Калабино обеспечивала оборону переправ у Задонска. 340-й стрелковой дивизии приказывалось к исходу 5 июля занять оборону на рубеже Виктория (Рублевка), отм. 110,6, имея один полк во втором эшелоне на северном берегу реки Дон в районе Верхне-Казачье [8]. При постановке задач корпусам генерал Лизюков ограничился повторением на карте той задачи, которую получил сам. Вслед за этим командиры корпусов также по карте поставили задачи командирам бригад. 5-я танковая армия в составе полевого управления, двух танковых корпусов, отдельных соединений и частей усиления только двигалась к местам сосредоточения, поэтому даже ее передовые бригады не могли начать операцию ранее 6 июля. Штаб армии был развернут в районе деревни Слепуха. Эшелоны 11-го танкового корпуса стали прибывать на станцию Долгоруково только к вечеру 5 июля 1942 года, а 2-й танковый корпус в это время еще начинал погрузку на станции Ефремов. 340-я стрелковая дивизия одним полком только к вечеру 6 июля заняла оборону южнее Задонска. После выгрузки из эшелонов 11-й танковый корпус вышел в район Ивановка, Вислая Поляна лишь к 02.00 7 июля. Весь предыдущий день его колонны бомбила немецкая авиация. 2-й танковый корпус вышел в назначенный район лишь к 10.00 7 июля, а его 148-я танковая бригада начала разгрузку на станции Долгоруково только в 11.00.

Командир 7-го танкового корпуса отдал приказ на нанесение контрудара только в 01.30 ночи 6 июля с задачей начать атаку в 06.00, то есть через четыре с половиной часа. Главный удар наносился в направлении Землянска, с дальнейшим развитием наступления на Хохол. Приданные 157-ю и 161-ю танковые бригады Ротмистрову «найти» не удалось, но 2-ю и 12-ю мотострелковые бригады разыскали. Утром 6 июля нанес контрудар 7-й танковый корпус, усиленный 19-й танковой, 2-й и 12-й мотострелковыми бригадами, имея две своих бригады во втором эшелоне и резерве. В ходе атаки соединения и части корпуса встретились с наступающей 9-й танковой дивизией вермахта, с которыми вели бой в течение всего дня. В результате сражения 7-й танковый корпус с приданными частями к исходу дня на участке Перекоповка, Каменка овладел правым берегом реки Кобылья Снова, но дальше продвинуться не смог. Противник закрепился на рубеже: лес 0,5 км восточнее Ивановки, южнее деревни Скаты, высота 218, высота 89; село Перекоповка. Немецкие танки действовали двумя группами: до 30 машин – на участке западнее Хрущево и до 150 – в районах Перекоповка, Каменка. Всего перед фронтом 7-го танкового корпуса и приданных ему частей, имевших 246 танков, действовало до 180 танков и САУ и полк мотопехоты противника, находящихся в основном в районе Перекоповка, Каменка. Отсутствие разведки и маневра привели к тому, что, столкнувшись с противником, которого наши войска превосходили численно (один немецкий мотополк против трех наших мотобригад и четырех мотобатальонов), 7-й танковый корпус 6 июля только немного потеснил врага. Позже выяснили, что через водную преграду имелось несколько пригодных для форсирования бродов, пользуясь которыми можно было легко обойти немецкие позиции с флангов. Значительная часть войск армии еще находилась в процессе сосредоточения. 66-й гвардейский минометный полк прибыл только утром 7 июля, 2-й танковый корпус вышел в назначенный район лишь к 10.00 7 июля, а его 148-я танковая бригада начала разгрузку на станции Долгоруково по достижении 11 часов утра. Вести активные боевые действия 7 июля могли 7-й и 11-й танковые корпуса с частями усиления. Реально имея в распоряжении два танковых корпуса, командующий 5-й танковой армией приказом от 7 июля в 03.30 поставил ближайшей задачей армии – уничтожение противостоящего противника в районе Ломовка, Перекоповка, Озерки (северные). Вместо организованной массовой атаки танков на фронте 12–15 км силами хотя бы четырех-пяти бригад, командиры корпусов вводили их в бой из маршевых колонн, с выделением передовых батальонов, по два батальона от корпуса.

Наступление корпусов свелось к действиям только передовых батальонов, а остальные силы стояли на месте и несли потери от немецкой авиации. Войска армии продолжали действовать очень вяло. Командир 11-го танкового корпуса приказ из штаба армии получил в 6.40 7 июля. 53-я танковая бригада его корпуса атаковала противника и к 15.00 овладела Хрущево. 59-я бригада в сражении не участвовала, так как искала брод и переправилась через реку Кобылья Снова только к 17.00. 160-я танковая бригада, стоявшая «в затылок» за 59-й, переправилась через речку еще позже. Таким образом, из всего 11-го корпуса бой 7 июля вела только 59-я танковая бригада. 7-й танковый корпус в середине дня вновь переправился через речки Кобылья Снова и Каменка, а к ночи опять оказался на ее левом берегу. 2-й танковый корпус, оставаясь в резерве, к 10.00 закончил свое сосредоточение, но в этот день боевых действий не вел. Попытки наступления 5-й танковой армии продолжались до 15 июля. Они привлекли на себя некоторые вражеские пехотные части, но разгрома его основных сил западнее Воронежа не получилось. По оценкам командования Брянского фронта, «провальные» результаты имели следующие причины: нерешительность действий командиров бригад, отсутствие организации разведки и маневра. В боях 6–15 июля соединения 5-й танковой армии потеряли: 7929 человек, **261** танк был сожжен, **258** было подбито [9]. 5-я танковая армия была расформирована. Лизюков с понижением был назначен командиром 2-го танкового корпуса, куда передали уцелевшие танки. 25 июля 1942 г. он погиб в бою. Генерал на танке КВ выехал в направлении деревни Медвежье. Когда танк подбили, Александр Ильич приказал экипажу покинуть танк. Автоматная очередь настигла его у башни. Могила первого командующего 5-й танковой армией долгое время была неизвестной, а сам Лизюков, по официальным данным, оставался пропавшим без вести. В 2008 г. были найдены останки генерала в братской могиле у села Лебязье. По желанию родственников 7 мая 2009 г. они были перезахоронены на Аллее Славы в Воронеже.

Третья «Прохоровка» состоялась на Сталинградском фронте 25 июля – 3 августа у города Калач-на-Дону, Северная группировка 6-й армии Паулюса утром 23 июля атаковала правый фланг 62-й армии на фронте Клетская, Евстратовский, нанеся удар в юго-восточном направлении, а утром следующего дня немцы перешли в наступление также из района Перелазовский, Липовский на Манойлин. В ходе двухдневных ожесточенных боев к исходу 24 июля они прорвали фронт 62-й армии, окружив 192, 184-ю стрелковые дивизии и 40-ю танковую бригаду, и главными силами вышли в район Верхне-Бузиновка, Осиновка, Сухановский. К исходу 26 июля германские передовые части прорвались к Дону в район Малоголубая, Голубинский и Мостовский. 24 июля командование Сталинградского фронта приняло решение ликвидировать прорвавшуюся к Дону неприятельскую группу концентрическими ударами подвижных соединений из резерва фронта, а также частью сил 21-й и 62-й армий. Выполнение этой задачи возлагалось на сформировавшиеся 1-ю и 4-ю танковые армии, которые должны были нанести контрудар: 1-я армия генерал-майора артиллерии К.С. Москаленко из района Калач в направлении на хутор Липологовский 25 июля и 4-я армия генерала В.Д. Крюченкина из района станиц Трехостровская, Качалинская в направлении Верхне-Бузиновка 27 июля. Одновременно переходили в наступление ударные группировки 21-й армии из района Распопинская на Цымловский и 62-й армии из района Плесистовский, Добринский на Манойлин с задачей восстановить связь с окруженными стрелковыми дивизиями и танковой бригадой.

В 1-ю танковую армию входили 131-я и 399-я стрелковые дивизии, 13-й танковый корпус полковника Т.С. Танасчишина (157 танков и 10 бронемашин), 28-й танковый корпус полковника Г.С. Родина (178 танков) и 158-я отдельная тяжелая танковая бригада подполковника А.В. Егорова (40 КВ). Формально в армии числился еще 23-й танковый корпус (161 танк) генерал-майора А.М.Хасина, но до 30 июля он действовал на левом фланге 62-й армии вне оперативной связи с остальными соединениями 1-й танковой армии. В состав 4-й танковой армии входили 18-я и 205-я стрелковые дивизии и 22-й танковый корпус (180 танков) генерала А.А. Шамшина. Однако все эти корпуса, бригады, дивизии не имели связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у командармов не хватило времени даже познакомиться с собственными войсками, не говоря об отработке взаимодействия и управления. Согласно плану операции, 1-й танковой армии предписывалось переправиться через Дон в районе Калач-на-Дону и наступать в

направлении хутора Майоровский. Ближайшая задача – уничтожить прорвавшегося врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхне-Бузиновская, Манойлин. В дальнейшем предстояло наступать на хутор Перелазовский и там соединиться с 4-й танковой армией. Войска Крюченкина не успевали сосредоточиться на исходных позициях в указанный срок, поэтому они должны были начать боевые действия 27 июля, продвигаясь из района Трёхостровской на Перелазовский. В ночь на 25 июля войска 1-й танковой армии в основном сосредоточились на восточном берегу Дона. 28-му танковому корпусу полковника Г.С. Родина приказывалось с утра 25 июля перейти в наступление, разгромить противника, преследовать его до Ново-Григорьевской и Логовского. 13-му танковому корпусу Танасчишина предстояло наступать в направлении Верхне-Бузиновская, Клетская. Во втором эшелоне армии за корпусом Родина следовали 158-я танковая бригада и 131-я стрелковая дивизия. Левее войск Танасчишина частью сил должна была нанести удар 62-я армия. С рассветом 25 июля 1-я танковая армия нанесла контрудар по противнику, который тоже возобновил наступление с целью захватить переправы у Калача-на-Дону. Завязалось встречное сражение 14-го танкового корпуса Витерсгейма с 1-й танковой армией генерал-майора артиллерии Москаленко. Несмотря на превосходство в силах, советские войска оказались в крайне невыгодных условиях. В первую очередь в результате нерешительных действий танковых бригад, отсутствия данных о противнике и абсолютного германского господства в воздухе. 28-го танковый корпус отбросил противника на 6–8 км от Калача-на-Дону. Воспользовавшись тем, что 1-я танковая армия в течение первых трех дней наступления сражалась по существу одна, противник сосредоточил против неё большую часть огневой мощи своей артиллерии и крупные силы авиации. 4-я танковая армия запаздывала с началом наступления, а 13-й танковый корпус по-прежнему вёл бои в районе Манойлина.

Удар на Верхне-Бузиновку 1-я танковая армия наносила лишь силами 28-го танкового корпуса. 131-я стрелковая дивизия наступала на север вдоль правого берега Дона, а 158-й тяжёлой танковой бригаде было приказано очистить от противника высоты западного берега Дона. Армия наступала в разные стороны и ни на одном направлении не могла прорвать немецкую оборону. Утром 26 июля 28-й танковый корпус возобновил наступление. Атака началась на рассвете, в 3 часа, до появления авиации противника. Рассчитывали, что удар будет стремительным и внезапным. Однако оказалось, что к его отражению вражеские войска готовились всю ночь. Они заняли выгодные рубежи, зарыли в землю танки, подтянули противотанковую артиллерию. Применили против наших танков 88-мм зенитные пушки. Атака, проведённая на рассвете частями 28-го танкового корпуса, успеха не имела. Вторая атака, предпринятая в 15 часов, также была отражена противником. 39-я и 55-я бригады понесли большие потери. Например, в 1-м батальоне 55-й танковой бригады на ходу осталось 9 танков. 158-я бригада потеряла 20 КВ сгоревшими и 5 – подбитыми. 13-й танковый корпус полковника Т.И. Танасчишина 26–27 июля наступал 166-й и 169-й танковыми бригадами на Манойлин и потерял 29 танков [10]. Между тем боевой приказ войскам армии требовал, чтобы 13-й танковый корпус наступал на Верхне-Бузиновку и далее на Клетскую. Невыполнение этой задачи привело к тому, что контрудар наносился по расходящимся направлениям. Положение было исправлено, когда в район хутора Манойлин прибыл генерал-майор танковых войск Е.Г. Пушкин, который и стал с 28 июля руководить действиями 13-го танкового корпуса. В его состав была возвращена 163-я танковая бригада, а две другие, сражавшиеся под Манойлином фронтом на северо-запад и запад, были выведены из боя и перенацелены на северное направление. Проведя разведку, войска корпуса на рассвете 28 июля атаковали противника в районе хутора Майоровский и установили с 184, 192-й стрелковыми дивизиями и 40-й танковой бригадой. К этому времени в корпусе оставалось на ходу 66 танков. За 7 дней боев 1-я танковая армия уничтожила и захватила 116 вражеских танков и более 90 орудий разных калибров. Противник потерял убитыми и ранеными до 14,5 тысяч солдат и офицеров [11]. В течение семидневных боев 23-й танковый корпус потерял подбитыми и сожженными **147** танков (90 Т-34, 35 Т-70, 22 Т-60).

На 6 августа в строю оставалось 6 Т-34, 5 Т-70 и 2 Т-60. За это же время корпус уничтожил 70 немецких танков, 9 противотанковых орудий и до 1600 солдат и офицеров противника. Корпус боевой задачи не выполнил, липологовской группировки противника

не уничтожил и 5 августа был вынужден перейти к обороне. Огромными (**133**) были и потери 28-го танкового корпуса, в котором после недели боев осталось 45 танков [12]. В тяжелых условиях проходил контрудар 4-й танковой армии генерала Крюченкина. К моменту отдачи боевого приказа в 20.00 26 июля командование 22-го танкового корпуса и входящих в него бригад еще не знали друг друга в лицо, а о материальной части танковых бригад командир корпуса генерал А.А. Шамшин узнал только вечером 26 июля. Но уже утром 27 июля корпус должен был переправиться через Дон и приступить к выполнению боевой задачи. К 27 июля в составе 176-й танковой бригады находились только штаб, танковой батальон и батарея ПТО, остальной состав бригады – два танковых и мотострелковый батальоны – были в пути следования по железной дороге. Танковые батальоны присоединились к бригаде 29 июля, а мотострелковый батальон только на четвертый день боев, 1 августа 1942 года. Общее количество танков, находящихся в составе 22-го танкового корпуса на 28 июля 1942 года, составляло 180 боевых машин. Начав переправу через Дон в 11.00 27 июля, части 22-го танкового корпуса завершили ее только к исходу 28 июля из-за неподготовленности переправ. На следующий день начались тяжелые бои. 29 июля при наступлении 182-й танковой бригады из-за недостаточной разведки местности первая атака с целью овладения Венцами сорвалась. При повторной атаке удалось продвинуться на 2,5 км. Наступавшая 29 июля на хутор Муковнинский 173-я танковая бригада вела бои без поддержки пехоты, потеряла 13 танков. 30 июля 182-я танковая бригада совместно с 5-й истребительно-противотанковой бригадой в 7.00 предприняла наступление на высоту 246,3. Первоначально бригада продвинулась на 3,5–4 км, но затем под ударами немцев она отошла на исходные позиции. Потери составили 19 танков. Бригада потеряла своего командира, потери личного состава составили 20 %. 173-я танковая бригада 30 июля наступала на Верхне-Бузиновку, имея 26 танков. Атака первоначально принесла успех, удалось подбить 9 немецких танков, но затем бригада была вынуждена отойти. Потери составили 7 танков. 176-я танковая бригада атаковала в направлении Осинового. Предварительной разведки немецкой обороны проведено не было. В результате этого из 14 Т-34 и 8 Т-70 были потеряны 8 Т-34 и 7 Т-70, был также убит командир бригады. Следовавшая за ними колонна штаба под прикрытием 4 Т-34 и 3 Т-70 попала под обстрел противотанковых пушек противника с высоты 234,7. Два танка и семь автомашин были уничтожены. Однако даже после этого шести уцелевшим Т-34 и трем Т-70 удалось захватить высоту 234,7. Вечером 30 июля в район действий 22-го танкового корпуса прорвался 13-й танковый корпус в составе 22 танков и до 5000 человек из состава группы полковника К.А. Журавлева (остатки 184-й и 192-й стрелковых дивизий и 40-й танковой бригады 62-й армии).

30 июля к фронтовому контрудару также присоединился 23-й танковый корпус генерал-майора А.М.Хасина. В состав корпуса на 27 июля входили 99-я танковая бригада (17 Т-34 и 16 Т-70), 189-я танковая бригада (26 Т-34 и 16 Т-70) и 9-я мотострелковая бригада. В 9-й мотострелковой бригаде из 3258 человек по штату было 1190 человек. Из-за низкой укомплектованности бригада была оставлена на левом берегу Дона. В наступлении участвовала одна 189-я танковая бригада, а 99-я танковая бригада фронтом на запад прикрывала фланг корпуса. Потери 189-й бригады за день боя составили 11 Т-34 и 12 Т-70, т.е. больше половины первоначального состава. В полосе действий 1-й танковой армии ситуация была без изменений. Получившая маршевую роту в количестве 9 КВ, 158-я танковая бригада 31 июля атаковала в прежнем направлении, двадцать КВ прорвались в глубину обороны противника без пехоты. Десять КВ были сожжены. В 4-й танковой армии 31 июля остатки 184-й и 192-й стрелковых дивизий вели подготовку для дальнейшего наступления. Два десятка уцелевших боевых машин 13-го танкового корпуса были сведены в 169-ю танковую бригаду и подчинены командиру 22-го танкового корпуса генералу А.А. Шамшину. 2 августа в направлении на Муковнинский, Верхне-Бузиновка перешли в наступление бригады 22-го танкового корпуса во взаимодействии с остатками 184-й и 192-й стрелковых дивизий.

Наступление впервые осуществлялось совместно танками и пехотой. 182-я танковая бригада имела в своем составе 6 Т-34, 5 Т-70 и 8 Т-60. В ночь на 3 августа ей удалось продвинуться на 3,5 км и закрепиться на отметке 4 км северо-восточнее Муковнинский, который она удерживала до 4 августа. 173-я танковая бригада наступала на южную окраину

Муковнинского, но продвинуться из-за сильного огня противника ей не удалось. 169-я танковая бригада наступала на южную окраину Верхне-Бузиновки. Закрепиться ей удалось только на западных скатах высоты 230,0. 176-я танковая бригада в составе 4 боеспособных танков действовала совместно со 184-й стрелковой дивизией в районе хуторов Горюшков, Глазков. Это наступление имело незначительный успех. Стрелковые части, действовавшие совместно с танками, при первом же огневом сопротивлении противника приостанавливали наступления, оставляя танки одни. Наступающие порядки слабо поддерживали артиллерия и авиация. В то же время немецкая авиация господствовала в воздухе.

5 августа в 6.00 22-й танковый корпус и 205-я стрелковая дивизия предприняли наступление в направлении Венцы, Свечниковский, Майоровский с целью выхода в тыл верхне-бузиновской группировки немцев. 182-я танковая бригада в составе 9 танков и 160 мотострелков во взаимодействии с 721-м полком 205-й стрелковой дивизии вышла на рубеж 1 км западнее дороги Венцы, М. Янки, но затем под ударами немцев отошла на исходные рубежи. Потери составили 6 танков, были убиты и ранены 50 человек. 173-я танковая бригада, имея в своем составе 11 танков, во взаимодействии с 731-м стрелковым полком к 16.00 5 августа вышла на рубеж 1 км северо-западнее Венцы. 176-я танковая бригада находилась в резерве, имея 2 Т-34 и 3 Т-70. 8 августа 173-я и 176-я танковые бригады 4-й танковой армии передали исправные танки в состав 182-й танковой бригады, которая после этого располагала 20 боевыми машинами (7 Т-34, 4 Т-70, 9 Т-60). Потери корпуса в танках составили **160** единиц. В 23-м танковом корпусе на 6 августа 1942 г. насчитывалось 13 танков (9 Т-34 и 4 Т-70) и 267 мотострелков. Потери корпуса - **148** танков. В 39-й и 55-й танковых бригадах 28-го корпуса оставались 1 и 2 танка соответственно, в 32-й мотострелковой бригаде – 1730 человек. Потери 28-го танкового корпуса составили **167** боевых машин. Самой боеспособной оставалась 158-я отдельная танковая бригада подполковника А.В. Егорова, которая благодаря круглосуточной работе ремонтников к 7 августа сохранила в строю 12 КВ из 49 имевшихся. Если суммировать потери бронетехники в танковых корпусах и в 158-й и 40-й отдельных танковых бригадах, с учетом 252 танков (126 Т-34 и 126 Т-60) из состава 644, 645, 648, 649, 650, 651 отдельных танковых батальонов 62-й армии, потерянных в боях в конце июля – начале августа, то итоговая цифра составит **944** боевые машины [13]. 11 августа командующий 6-й полевой армией вермахта Фридрих Паулюс доложил в штаб группы армий «Б» об уничтожении западнее Калача более 1000 советских танков. К 6 августа 1-я танковая армия потеряла большую часть своего состава и была расформирована. Ее остатки были подчинены 62-й армии. 4-я танковая армия сохранила свое название, но пополнения для танковых частей не получила и бойцы иронически называли ее «четыре танковая армия». Несмотря на большие потери, 1-й и 4-й танковым армиям удалось предотвратить окружение 62-й армии и остановить продвижение 6-й армии к Сталинграду.

Выводы. Танковые сражения в июле сорок второго года были проиграны советскими войсками и на долгие десятилетия оставались в тени других событий Великой Отечественной войны. Главными причинами неудачного исхода этих сражений и катастрофических потерь в бронетехнике были: - танковые армии (1-я, 4-я, 5-я) и отдельные танковые корпуса вводились в бой «с колес», по частям, без прикрытия авиацией, без поддержки артиллерии и инженерно-саперных войск. Боевые задачи корпусам командующими танковыми армиями ставились по карте, без рекогносцировки местности. Командиры корпусов также по карте ставили задачи командирам бригад. Командирских рекогносцировок в бригадах и батальонах не проводилось;

- нерешительные наступательные действия велись только в полосе известных переправ; при отсутствии наземной и воздушной разведки. Вражеские опорные пункты атаковались «в лоб», без маневра и фланговых ударов;

- вместо организации одновременной атаки массой танков на фронте 12–15 км, командиры корпусов вводили бригады в бой из маршевых колонн, с выделением передовых батальонов, примерно по два танковых батальона от корпуса. Наступление танковых корпусов свелось к боевым действиям передовых батальонов, а остальные силы стояли на месте и несли потери от немецкой авиации при ее абсолютном господстве в воздухе;

- все корпуса, бригады, дивизии 1-й и 4-й танковых армий не имели связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у командармов не было времени даже

познакомиться с собственными войсками, не говоря уже об отработке взаимодействия и управления. Разведки немецкой обороны проведено не было;

- стрелковые части, действовавшие совместно с танками, при первом же огневом сопротивлении противника приостанавливали наступления, оставляя танки одни. Наступающие боевые порядки слабо поддерживали артиллерия и авиация. Взаимодействия танков с артиллерией и авиацией организовано не было. Данная статья – начало тщательного исследования танковых сражений на советско-германском фронте летом 1942 года.

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 38. Оп. 80038 сс, Д. 36, ЛЛ. 252–266.
2. ЦАМО РФ. Ф. 48А. Оп. 3408. Д. 71. Л. 430.
3. ЦАМО РФ. Ф. 96А. Оп. 2011. Д. 26. ЛЛ. 103-113.
4. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 674. ЛЛ. 8, 9, 11.
5. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 245. Л. 49.
6. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 245. Л. 104.
7. Казаков М.И. На воронежском направлении летом 1942 года // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. с. 39.
8. ЦАМО РФ. Ф. 331, Оп. 5041, Д. 18. ЛЛ. 1–2.
9. ЦАМО РФ. Ф. 331, Оп. 5041. Д. 18, Л. 2-4.
10. ЦАМО РФ. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 11. ЛЛ. 9-10.
11. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 71. Л. 175.
12. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 10. Л. 4.
13. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 8. ЛЛ. 302–303; Д. 18, ЛЛ. 233–234.

References:

1. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (dalee – TsAMO RF). F. 38. Op. 80038 ss, D. 36, LL. 252–266.
2. TsAMO RF. F. 48A. Op. 3408. D. 71. L. 430.
3. TsAMO RF. F. 96A. Op. 2011. D. 26. LL. 103-113.
4. TsAMO RF. F. 500. Op. 12462. D. 674. LL. 8, 9, 11.
5. TsAMO RF. F. 500. Op. 12462. D. 245. L. 49.
6. TsAMO RF. F. 500. Op. 12462. D. 245. L. 104.
7. Kazakov M.I. Na voronezhskom napravlenii letom 1942 goda // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1964. № 10. s. 39.
8. TsAMO RF. F. 331, Op. 5041, D. 18. LL. 1–2.
9. TsAMO RF. F. 331, Op. 5041. D. 18. L. 2-4.
10. TsAMO RF. F. 3430. Op. 1. D. 11. LL. 9-10.
11. TsAMO RF. F. 220. Op. 220. D. 71. L. 175.
12. TsAMO RF. F. 345. Op. 5512. D. 10. L. 4.
13. TsAMO RF. F. 220. Op. 220. D. 8. LL. 302–303; D. 18, LL. 233–234.

УДК 94(47)

«Три Прохоровки» в июле сорок второго...

Владимир Иванович Афанасенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
научный сотрудник

Аннотация. Летом 1942 года на южном крыле советско-германского фронта произошло несколько танковых сражений, сопоставимых с танковым сражением под Прохоровкой 12-13 июля 1943 года. О трех «Прохоровках» в июле сорок второго рассказывается в данной статье.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советско-германский фронт; танковые сражения летом 1942 года.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 94(47).084.8

Mius-front: German Defense Line in the South of the USSR and Its Features (1941-1943) *

¹ Evgeny F. Krinko

² Maxim V. Medvedev

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

Doctor of History

² Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

Intern Researcher of the Laboratory of History and Ethnography

Abstract. The paper is concerned with the Mius-front – German defense line with the total length of 104 km, constructed during the Great Patriotic War. The major part of it ran along the right bank of the Mius River, which gave its name to the defense line. Within the fifteen months, from October, 1941 till June, 1942 and from February till August, 1943 Mius-front was the ground of sanguinary battles between the Red Army and Wehrmacht. Nevertheless, it became the subject of research only in modern historiography.

Originally Mius-front was constructed as the system of field fortifications, aimed to deter Soviet winter counterattack in 1941. In 1942 and, especially, in 1943 the enemy upgraded defense fortifications. Permanent defense fortifications were built in Priasov'e and Primius'e in accordance with the military and engineering demands of the time. German Command managed to use the natural features of the site, having tied them to the system of gun, mortar and machine-gun fire.

Mius-front deferred the advance of the Soviet troops, which suffered great casualties during its assault, to the west. Soviet-German confrontation in Priasov'e and Primius'e reflects the general battle actions during the Great Patriotic War to the large extent. Having gained the advantage in warfare preparation, conduction, planning and maintenance, the Soviet troops managed to breach the defensive line of the enemy. Declassified archive documents, recalls by the witnesses and field data enabled to reconstruct the history of construction and fortification features of Mius-front, reconsider its role in the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; Wehrmacht; Mius-front; fortification; Southern front.

Введение. Накануне Второй мировой войны в военно-инженерном искусстве многих европейских странах главное внимание уделялось созданию систем долговременных приграничных укреплений, призванных не допустить вторжения войск противника на свою территорию. Крупнейшими и наиболее известными из них стали линия Мажино (1929–

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

1940) во Франции, линия Зигфрида (1935–1940) в Германии, линия Маннергейма (1929–1939) и линия Салпа (1941) в Финляндии. В СССР вместо сплошных линий оборонительных сооружений для прикрытия границ применялись системы укрепленных районов – так называемая линия Сталина (1928–1939), а затем линия Молотова (1940–1941). В большинстве своем указанные оборонительные линии не выполнили стоявшие перед ними задачи. В то же время уже в ходе самой войны был создан целый ряд мощных рубежей обороны, надолго задержавших продвижение войск противоположной стороны. Одним из таких рубежей стал немецкий Миус-фронт, строительство которого началось в конце 1941 г. на юге СССР – от приазовского села Самбек, недалеко от города Таганрога, до города Красный Луч в Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области. В течение пятнадцати месяцев с осени 1941 г. по июнь 1942 г. и с февраля по август 1943 г. на Миус-фронте шли жестокие кровопролитные бои, общие потери в которых с обеих сторон составили более 940 тыс. чел.

Материалы и методы. Главными источниками изучения фортификационных особенностей Миус-фронта являются документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). В первую очередь, это подготовленные оперативными отделами штабов Южного фронта и входящих в него армий материалы по изучению и обобщению опыта ведения войны, содержащие сведения об инженерных сооружениях противника, составленные по данным разведки. Впервые они были составлены по итогам боевых действий зимней кампании РККА 1941–1942 гг. [1 и др.]. Документы, характеризующие инженерную подготовку обороны противника в полосе 56-й армии, защищавшей Ростов-на-Дону, обнаружены также в Центре документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) [2]. Отдельную группу источников составляют воспоминания непосредственных участников боевых действий, участвовавших в боях на Миус-фронте [3–7 и др.], в том числе, записанные непосредственно авторами данной работы [8 и др.]. Отношение германского военного руководства к событиям, происходившим на юге СССР, включая и возникновение Миус-фронта, раскрывает военный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера [9]. Дополнительным источником выступают материалы полевых исследований на местах боевых действий по линии Миус-фронта. Часть собранных поисковыми отрядами и объединениями материалов представлена в Донском военно-историческом музее и Музее казачества, этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН.

Исследование опирается на принципы историзма и системного подхода. Авторы использовали сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, а также методы формально-логического и источниковедческого анализа.

Обсуждение. Появившиеся еще в годы войны военно-исторические работы о боях в Приазовье и Примыусье носили преимущественно прикладной характер и были направлены на обобщение опыта ведения боевых действий соединениями РККА, а также на популяризацию советских военных успехов [10, 11 и др.]. В послевоенное время данной теме были посвящены, как правило, работы очеркового и краеведческого характера [12–14 и др.]. В вышедших в 1960–1980-е гг. фундаментальных трудах по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн Миус-фронту уделялось немного внимания. В основном, в них говорилось об успешном прорыве данного рубежа советскими войсками в августе 1943 г. в связи с последующим освобождением Донбасса [15, 16]. Только в последние годы вышел ряд специальных исследований, раскрывающих значение Миус-фронта в Великой Отечественной войне на основе новых подходов и источников [17–22 и др.]. Рассматривается указанная проблема и в работах зарубежных исследователей [23 и др.], на научных конференциях [24 и др.]. Тем не менее, фортификационные особенности Миус-фронта, как одного из важнейших немецких оборонительных рубежей Второй мировой войны, остаются недостаточно изученными, что не позволяет осмыслить в полной мере события, происходившие на южном крыле советско-германского фронта в 1941–1943 гг. в целом.

Результаты. Начало Великой Отечественной войны складывалось крайне неудачно для Красной армии: войска противника сумели захватить значительную часть территории СССР, выйти к Москве и Ленинграду. На юге прорывавшаяся на Кавказ танковая группа (позже – 1-я танковая армия) генерал-полковника Э. фон Клейста 17 октября захватила Таганрог, а 21 ноября – Ростов-на-Дону. Но уже через неделю, 29 ноября немецкие части

оставили донскую столицу под натиском превосходивших их в численности войск Южного фронта во главе с генерал-полковником Я.Т. Черевиченко.

Отступление 1-й танковой вермахта от Ростова-на-Дону вызвало резкое недовольство А. Гитлера, запретившего ее дальнейший отход к Таганрогу и Миусу. 30 ноября под прямым нажимом Гитлера командующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал В. фон Браухич отдал приказ «не отходить одним скачком на вышеупомянутый рубеж» [9. С. 479–480]. Предполагалось, что немецкие войска останутся на промежуточном оборонительном рубеже, не переходя через Миус. Отказавшегося выполнять этот приказ командующего группой армии «Юг» генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта Гитлер отправил в отставку, назначив вместо него генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау. Первоначально Рейхенау рассчитывал, что действительно сможет удержать промежуточную позицию обороны на левом берегу Миуса, на чем и настаивал Гитлер. Но она была совершенно не подготовлена к обороне. Ф. Гальдер записал в своем дневнике 1 декабря 1941 г.: «Промежуточная позиция не является позицией в полном смысле слова, а всего лишь рубежом, на котором должны были действовать части прикрытия, пока подготавливалась к обороне позиция по Миусу. Позиция на Миусе позволила бы обойтись небольшим прикрытием для войск. Кроме того, там есть оборудованные укрепления, которые были сооружены во время первой остановки наших войск на этом рубеже. Промежуточная позиция совершенно не подготовлена для обороны: пехота, не имея укрытий, будет лежать на замершей земле. Большая часть артиллерии, которая подвижна только частично, располагается на Миусе». Клейст прямо доложил Рейхенау, что «его войска будут разбиты на этой позиции». Поэтому Рейхенау попросил Гитлера разрешить ему отход ночью за Миус и получил его [9. С. 482–483]. В отличие от советских командиров, требовавших от бойцов: «Ни шагу назад!», немецкие генералы не видели смысла обрекать себя и своих солдат на бессмысленные страдания и потери ради лишнего десятка километров голой степи [22. С. 222–225].

В начале декабря 1941 г. войска вермахта закрепились на правом берегу Миуса. Линия фронта прошла по Ростовской области РСФСР, Сталинской (в настоящее время – Донецкой) и Ворошиловградской областям УССР. На правом фланге располагался хорошо укрепленный Самбекский выступ, превращавший Таганрог в главный центр немецкой обороны. Далее фронт шел по Миусу, а левый фланг противника упирался в южные отроги Донецкого кряжа.

Стрелковые и кавалерийские дивизии 56-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова, практически без поддержки артиллерии и танков, значительная часть которых не успела переправиться через Дон и оставалась на его левом берегу, 3–5 декабря безуспешно атаковали вражеские позиции. С 10 по 15 декабря 56-я и 9-я армии предприняли вторую попытку ликвидировать таганрогский плацдарм противника. В конце месяца, 25–29 декабря последовал очередной штурм немецкой обороны в районе сел Куйбышево, Ряженое, Самбек. Ударные группировки РККА смогли форсировать Миус и продвинуться вперед на 10–15 км, но вследствие контратак противника отошли на исходные рубежи. Общие потери Южного фронта в декабре 1941 г. составили 60 тыс. чел., в том числе безвозвратные – 17,7 тыс. чел. Вследствие неудач были смещены со своих должностей командующий фронтом Я.Т. Черевиченко, командующий 56-й армией Ф.Н. Ремезов, несколько командиров дивизий и бригад [20].

Так возник Миус-фронт, оказавшийся, действительно, более удобным оборонительным рубежом, чем та промежуточная позиция, на которой первоначально настаивал Гитлер. Река представляла собой естественную преграду. Сегодня Миус внешне выглядит совсем небольшой речкой, которую, кажется, легко перейти вброд. Однако эта видимость обманчива: глубина доходит до 6 м, ширина – до 15–25 м, в низовьях – до 45 м, особенно в период весенних наводнений, когда преодолеть его становится совсем не просто. К тому же Миус, как и другие реки, впадающие в Азовское море, имеет высокий правый и пологий левый берега, что было выгодно для противника и невыгодно для советских войск – как при обороне, так и при наступлении. Извилистая, местами заболоченная долина реки осложняла действия частей Красной армии, штурмовавших немецкие позиции. С севера Миус-фронт упирался в южные отроги Донецкого кряжа, создававшие значительные трудности в использовании бронетехники. Особенно выделяется господствующая над

окружающей местностью Саур-могила (277,9 м). В ясную погоду с вершины горы можно увидеть Азовское море, находящееся в 90 км к югу. Противнику удалось умело использовать природные особенности местности, «привязав» к ним всю систему своего артиллерийского, минометного и пулеметного огня.

Уже после стабилизации фронта у советского командования появилась возможность более детально изучить систему глубокой немецкой обороны, опираясь на данные разведки. Выяснилось, что противник действовал по устоявшейся схеме создания полевой фортификации. В советских штабных документах отмечалось, что «после занятия какого-либо района или высот противник немедленно начинает строительство окопов, пулеметных гнезд и установку минных полей. В дальнейшем противник, используя имеющиеся подручные материалы, приступал к строительству дзотов и других сооружений» [1. Л. 127]. К сожалению, данные разведки далеко не всегда использовались при планировании и осуществлении боевых операций советским командованием, и бойцы РККА не раз ходили в лобовые атаки на миусские рубежи в 1941–1943 гг., без необходимой огневой поддержки [19. С. 165].

С декабря 1941 г. для строительства оборонительных рубежей на Миусе в окрестных населенных пунктах изымались лопаты, кирки, топоры, пилы, ломы и другой шанцевый инструмент. В качестве защитных средств в ход шел любой подручный материал: куски рельсов, камни и даже могильные плиты с местных кладбищ. Вскоре жителей Таганрога и примиусских сел стали в массовом порядке привлекать для строительства укреплений. В основном, они использовались на тяжелых земляных работах, не требовавших специальной квалификации: рыли окопы, траншеи, ходы сообщений, строили дороги, обеспечивавшие подвоз к боевым позициям подкреплений и боеприпасов. очевидцы вспоминают, что на работы их возили на машинах и тщательно охраняли, чтобы никто не сбежал. Жители близлежащих сел должны были являться на работу со своими лопатами, остальным выдавали необходимый инструмент. Работать приходилось целый день, с перерывом на обед, время которого строго ограничивалось. За невыполнение установленных норм применялись телесные наказания: «Если до перерыва не станешь кидать лопатой – на тебя палка летит, как на скотину. Перерыв – сел и отдыхай. Арбайтен – раз, палка полетела». Нарушителей порядка и дезертиров ожидала смертная казнь: «что не так – пристрелят как собаку» [8].

Фото. Немецкий дот (вид изнутри) в х. Кучеровка
Матвеево-Курганского р-на Ростовской области

Оборона противника на Миус-фронте зимой 1941–1942 гг. была построена на системе отдельных узлов сопротивления и опорных пунктов, «запирающих основные вероятные направления наступления». Они размещались в узлах дорог, главным образом, «путем приспособления населенных пунктов и закрепления основных командных высот». Опорные пункты были оборудованы для круговой обороны с задачей «удержания данного узла дорог, населенного пункта, высоты или другого важного объекта». Система огня опорного пункта строилась на взаимодействии фронтального и флангового огня и создании впереди него зоны сплошного обстрела. Однако в ряде населенных пунктов советской разведке удалось все же нащупать «мертвые» сектора [2. Л. 159]. Опорные пункты состояли из отдельных огневых точек, в большинстве своем противоосколочного типа, приспособленных для ведения стрельбы из автоматов, ручных и станковых пулеметов, а также минометных окопов. Все огневые пункты имели между собой огневую связь [2. Л. 160].

Немаловажное значение уделялось противником использованию в обороне населенных пунктов, особенно в зимнее время, когда они становились основными опорными пунктами и узлами сопротивления. Неслучайно 17 ноября 1941 г. был издан приказ Ставки Верховного Главного Командования № 0428 за подписью И.В. Сталина, общий смысл которого сводился к одной фразе: «Гнать немцев на мороз!». В тексте приказа говорилось о необходимости «лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод, в поле, выкурить из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом». Ставка приказывала «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог» [25].

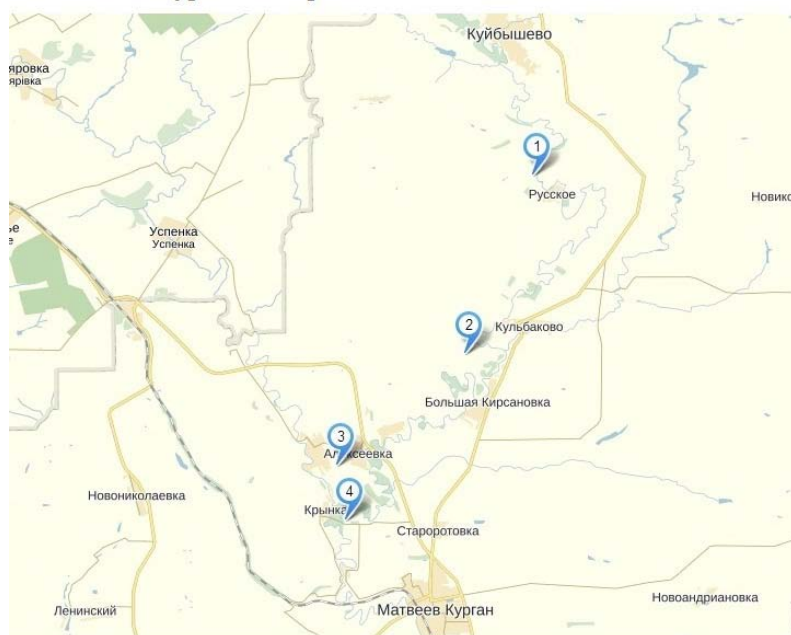
Оборонительный плацдарм в Куйбышевском р-не Ростовской области [19, С. 15]

Однако в Примиусье «выгнать немцев на мороз не удалось». Напротив, советским войскам нередко приходилось воевать на открытом пространстве, преодолевая зимний мороз, весенне-осеннюю распутицу с дождями и летнюю жару, а части противника занимали удобные позиции в населенных пунктах, прилегавших непосредственно к линии фронта, выселив из них жителей. Сохранившиеся жилые дома и другие строения здания использовались для размещения в них огневых точек и убежищ. Окна домов закладывались кирпичами, чтобы снизить уязвимость находившегося в них личного состава от пуль и осколков, а выше фундамента на 20–25 см пробивались дополнительные бойницы для стрельбы из автоматического и стрелкового оружия [1. Л. 127]. Перекрытия усиливали 1–

2 рядами бревен и засыпали слоем земли толщиной в 20–50 см. Стены – двумя рядами бревен диаметром в 20 см, слоем земли в 45 см, «с одеждой из 1,5–1 см досок» или кладкой в два кирпича [2. Л. 161]. Чердаки использовались для устройства пулеметных гнезд, а подвалы – в качестве убежищ для личного состава, для этой же цели внутри зданий отрывали специальные котлованы. Из подвалов и погребов к блиндажам и огневым точкам вели ходы сообщения, глубиной от 0,6 до 2,5–3 м [2. Л. 159]. Порой в зданиях с огневыми точками создавались запасные выходы. Для лучшего обстрела улиц, переулков, окраин населенных пунктов часть домов уничтожалась (сжигалась). В других проламывались специальные отверстия, обеспечивавшие сообщение с огневыми точками. Нередко прямо в домах размещались танки и артиллерийские орудия, при этом разрушалась одна из стен [1. Л. 15].

Перед населенными пунктами и между ними располагались полосы окопов и легких блиндажей. Для защиты от осколков были отрыты в полный профиль траншеи и ходы сообщений. В 4–5 м впереди линии траншей располагались стрелковые ячейки, удаленные по фронту друг от друга на 10–15 м. Широко применялись для создания укреплений и железнодорожные насыпи. Большинство дзотов на Миус-фронте первоначально представляли собой легкие или противоосколочные гнезда. В ходе штурма немецких позиций советским бойцам и командирам удавалось уничтожать их с помощью ручных гранат, бутылок с горючей жидкостью, а также огнем пулеметов и артиллерийских орудий. Реже применялись перекрытия из 1–2 рядов металлических рельсов. Но тяжелых дотов из железобетона на переднем крае зимой 1941 г. наступавшие советские войска еще не обнаружили.

Сохранившиеся немецкие доты в Куйбышевском и Матвеево-Курганском районах Ростовской области

1. Хутор Берестовский Куйбышевского района Ростовской области.
2. Хутор Кучеровка Матвеево-Курганского района Ростовской области.
3. Село Алексеевка Матвеево-Курганского района Ростовской области.
4. Поселок Гвардейский Матвеево-Курганского района Ростовской области.

Уже к весне 1942 г. перед опорными пунктами отмечалось наличие препятствий из колючей проволоки в 1, 2 и 3 ряда кольев, а на таганрогском направлении – от 7 до 10 рядов кольев [2. Л. 160]. Широко применялись переносные проволочные препятствия типа

«спирали Бруно»* из колючей и гладкой проволоки, а также «спотыкачи»†. При этом вместо кольев нередко использовалось угольное железо и железные пруты [2. Л. 161].

Как правило, все подступы к опорному пункту, а также препятствия из колючей проволоки были заминированы. Чаще всего применялись противопехотные осколочные выпрыгивающие мины кругового поражения S.Mi.35 (Sprengmine 35), начиненные шрапнелью (металлическими или металлокерамическими шариками). В советских военных справочниках она указывалась как «германская шрапнельная мина образца 1935 г.», но красноармейцы обычно называли ее «шпрингминой» [26], а еще чаще «миной-лягушкой». Высокий поражающий эффект обуславливался наличием в корпусе свыше 350 металлических шариков. Взрываясь на уровне 1,5–2 м над землей, мина поражала осколками даже лежавших на земле бойцов в радиусе от 20 до 80 м. В документах встречаются указания на использование при обороне Миус-фронта противником фугасно-осколочных противотанковых мин ТМ-35. Однако ТМ-35 – советская противотанковая мина. Скорее всего, имелась в виду немецкая противотанковая мина T.Mi.35. Применялись также управляемые фугасы и мины натяжного действия. При временном отходе из населенных пунктов противник оставлял в них «сюрпризы», минировав двери, входы в землянки, мебель, печи, дымоходы, предметы снаряжения и вооружения, а также трупы погибших [2. Л. 160].

Значительное внимание в частях вермахта, оборонявших миусские рубежи, уделялось организации наблюдения. Для оборудования наблюдательных пунктов, снабженных стереотрубами, использовались высокие здания в населенных пунктах и естественные высоты. В зданиях обычно при этом снималась черепица, прodelывались отверстия в соломенной или железной кровле [2. Л. 161].

На расстоянии от 100 до 500 м, а то и 1,5–2 км от переднего края, в зависимости от конкретных условий, находились посты боевого охранения [1. Л. 8]. На ночь обычно оставлялись парные посты, а остальной состав боевого охранения отводился в населенный пункт или в блиндажи. С постами была налажена организованная проводная или светосигнальная связь. В местах, где передний край проходил в непосредственной близости от советских окопов или от реки, охранение осуществлялось выдвинутыми вперед на 50–100 м сторожевыми постами, находившимися в специально оборудованных окопах и блиндажах. Перед населенными пунктами, как правило, на высотах выставлялось непосредственное охранение, а между опорными пунктами курсировали разведывательные дозоры.

В момент обнаружения советских войск, включая разведывательные группы, они давали сигнал тревоги и отходили. Затем открывался шквальный огонь из артиллерии, минометов и пулеметов по заранее пристрелянным рубежам в районе действия разведгруппы РККА. Как меры предохранения от внезапного нападения в ночное время, противник применял освещение местности ракетами, прожекторами, проводил периодическую автоматическую стрельбу, а на отдельных участках выставлялись сторожевые собаки. Кроме того, использовались различные приспособления технической сигнализации. На путях подхода к переднему краю также создавались засады для уничтожения или захвата мелких разведывательных групп.

Трудности ведения разведки в подобных условиях описал ветеран миусских боев – командир отделения разведки 664-го стрелкового полка 130-й стрелковой дивизии сержант П.И. Межуев. Правда, его воспоминания относятся уже к событиям 1943 г., но и в 1942 г. применялись описываемые им практики обеспечения немецкой обороны: «Наша оборона находилась над рекой Миус по равнине, а немцы за Миусом на высотах. Нам, разведчикам было дано задание, во что бы то ни стало достать “языка”. Сколько нам ночей пришлось ползать под ураганным огнем! По всему фронту обстрел, как говорится – косою косят и всюду осветительные ракеты, видимость хоть иголки собирай. Подползли поближе к немецкой обороне, замаскировывались, остались на весь день вести наблюдение. А там,

* Противопехотное заграждение в виде спирали диаметром от 70 до 130 см, длиной до 25 м, свитой из нескольких нитей колючей или обычной проволоки и растянутой на опорах.

† Заграждение из 4–6 рядов кольев длиной 25–30 см, к которым сверху протягивается 2–3 нити колючей проволоки, при этом одна или две нити протягиваются так, что образуют петли. Общая глубина заграждения составляет более 4,5 м.

один немец дежурит на трех пулеметах. Подойдет к одному пулемету – постреляет, ко второму, третьему. И так по очереди ходит и ведет огонь по нашей обороне» [7].

Опорные пункты главной полосы сопротивления имели стрелковые гнезда на взвод или роту, оборудованные позиции тяжелых огневых средств (2–4 станковых пулемета, 2–4 миномета, 1–2 противотанковых орудия). Окопы были связаны между собой укрытыми ходами сообщения [1. Л. 8]. Участник наступления 68-й отдельной морской стрелковой бригады 8 марта 1942 г. на Миусе А.Е. Фабрикант отмечал: «Средняя плотность ружейно-пулеметного огня в минуту – 10 пуль на погонный метр фронта. Представляете себе, что значит 10 пуль на метр фронта? Может пройти там человек? Не может. Но вот на эту вот стену мы двигались» [6].

Боевой порядок немецкой обороны традиционно строился в два эшелона, при этом в резерв отводилось 30–40 % сил. В глубине обороны, на расстоянии 3–4 км от переднего края главной полосы сопротивления находилась тыловая опорная позиция. При прорыве наступления тыловая опорная позиция занималась резервами переднего края обороны. Резервы полков и дивизий противника располагались на глубине 4–8 км преимущественно в населенных пунктах, а корпусные резервы располагались на удалении до 20–25 км. При наступлении крупных сил РККА резервы вводились в бой между опорными пунктами или сосредотачивались в готовности к переходу в контратаку. На некоторых участках ввиду отсутствия тактических резервов применялось создание небольших подвижных групп автоматчиков силою до 1–2 взводов, в задачу которых входило задерживать наступление прорвавшихся частей до подхода более крупных резервов. Эти группы располагались на глубине 2–3 км [1. Л. 8].

Заключение. Начатые зимой 1941–1942 гг. работы по укреплению Миус-фронта продолжались в течение всего периода его существования. В марте 1942 г. советской командование спланировало операцию по разгрому покровско-таганрогской группировки противника силами 56-й армии генерал-майора В.В. Цыганова. Главный удар наносился из района поселка Матвеев Курган и села Ряженое. Наступление готовилось в спешке, без соблюдения необходимой маскировки и разведки огневых точек противника. Трижды в течение месяца – 8–10, 14–16 и 26–29 марта – советские стрелковые части переходили в атаки и трижды возвращались на исходные позиции. Безвозвратные потери 56-й армии превысили 20 тыс. чел. [20].

В свою очередь, на левом, восточном берегу Миуса советские солдаты при помощи местных жителей подготовили тысячи километров траншей, ходов сообщений, линий стрелковых окопов, оборудовали более 10 тыс. артиллерийских, минометных и пулеметных позиций, командных и наблюдательных пунктов, землянок и блиндажей. Однако противник обошел эти рубежи в июле 1942 г. и устремился к Волге и Кавказу.

В ходе общего советского контрнаступления 14 февраля 1943 г. Ростов-на-Дону был освобожден. Советское командование рассчитывало продолжить натиск и захватить плацдарм на правом берегу Миуса для выхода к Донбассу, а затем и к Днепру. Во второй половине февраля – начале марта 1943 г. части Южного фронта под командованием генерал-полковника Р.Я. Малиновского штурмовали миусские рубежи, но не смогли одержать успеха. Советские потери в этих боях составили 29,9 тыс. чел., противника – 16,4 тыс. чел. [20].

Весной-летом 1943 г. Миус-фронт превратился в мощный оборонительный рубеж, отвечавший всем требованиям военно-инженерной науки того времени. Для оборонительных работ на Миус-фронте обязательной мобилизации подверглись все трудоспособные мужчины округа с 15 до 65 лет, а в случае необходимости и женщины с 15 до 45 лет. С учетом срочности и важности для немецкого командования работ по возведению укреплений они велись в две смены, и днем, и ночью [19, С. 117].

В ходе оборонительных работ были углублены противотанковые рвы и ходы сообщения, построены новые блиндажи и дзоты. Система обороны включала управляемые и «мертвые» минные поля шириной до 200 м, проволочные заграждения, цепи дотов, дзотов, блиндажей, пулеметных гнезд. Использовались «крабы» – кочующие глухие доты из стали, с особой аппаратурой, регулирующей поступление воздуха. На каждый километр переднего края главной полосы обороны приходилось 3–5 дотов, 6–11 огневых пулеметных точек, 1 800–2 000 погонных метров траншей и окопов с ходами сообщения, до 300 погонных

метров искусственных противотанковых препятствий, до 1 200 погонных метров противопехотных препятствий [11].

Благодаря умелому использованию господствующих высот правобережья Миуса, противник мог на десятки километров просматривать и простреливать советские позиции. Взаимно прикрывающие друг друга пулеметные гнезда и гнезда подвижной артиллерии создавали систему многослойного огня. В то же военнотружущие вермахта укрывались от действий советской артиллерии и авиации в хорошо оборудованных дотах, дзотах, подземных сборных металлических бункерах. Гофрированную кромку этих бункеров, специально разработанную для африканского корпуса, но применявшихся и в приазовских степях, обнаружили поисковики на глубине почти 2,5 м [19. С. 71].

Командные пункты батальонов, рот и убежища немецких солдат на Самбекских высотах располагались на глубине в 12 м, воздух и дневной свет проникали туда через узкие колодцы. Семьярусная линия дзотов окольцевала высоты. Огромные маскировочные щиты полностью скрывали Самбекскую систему обороны от просмотра с фронта и с флангов. Блиндажи и убежища имели накаты из 6–8 бревен, сверху насыпался слой земли до 1,5 метров. В защитных целях использовались металлические рельсы и трубы, часть бронеклопков для дотов была привезена непосредственно из Германии. В среднем на 1 кв. км линии фронта приходилось до 20–30 оборонительных сооружений, около 1,8 тыс. мин. Общая длина линий окопов, траншей, противотанковых рвов на Миус-фронте превышала расстояние от него до Берлина – 2540 км [11].

По глубоким траншеям позади первой линии постоянно курсировали грузовые автомашины с установленными на них минометами и пулеметами. Такие «кочующие» средства ведения огня не имели постоянной дислокации, и поэтому их было трудно засечь советской разведке. За ними находились закопанные в землю танки, выступавшие дополнительным средством огневой поддержки. Оборону дополняли эскарпы на линии железной дороги, противотанковые рвы. Минные поля защищали подступы к побережью с суши, с моря его охраняли немецкие бронекатера [19. С. 71].

Фото. Следы кровопролитных боев на Миус-фронте

Рассматривавшийся немецким командованием как «новая восточная граница», Миус-фронт являлся первой и главной оборонительной линией, призванной закрепить Донбасс и Крым за Третьим рейхом и получившей название «Крот». Далее к западу был построен второй мощный рубеж. Он начинался от запорожского оборонительного пояса и спускался вдоль берегов реки Молочной к озеру Молочное и к Азовскому морю. Эта линия была названа именем арийского бога войны – «Вотан» Она должна была преградить Красной

армии дорогу к нижнему течению Днепра и Перекопу. Между основными стратегическими рубежами «Крот» и «Вотан», которые считались последним словом в фортификации военного времени, вдоль господствующих над местностью западных берегов Сухой Крынки, Мокрого Еланчика, Кальмиуса, Гайчула и других рек, были подготовлены промежуточные оборонительные линии, носившие условное наименование «Голубая», «Желтая», «Зеленая». Целый ряд таких промежуточных линий находился и перед рубежом «Крот» [28]. Всего для обороны была задействовано около 800 населенных пунктов в полосе глубиной в 45–50 км.

Заметно улучшилось в 1942–1943 гг. снабжение и обеспечение частей вермахта, несших службу на Миус-фронте. Если зимой 1941 г. многие немецкие солдаты и офицеры жаловались на холод и отсутствие необходимой теплой одежды [29. С. 62 и др.], то ко второму году войны этот кризис снабжения был преодолен. Результаты поисковых работ в зоне миусских боев подтверждают, что немецкие военнослужащие, оборонявшие миусские рубежи, практически ни в чем не нуждались, а продукты питания к ним поступали со всех концов Европы – от норвежских сардин до французских вин.

17 июля ударная группировка войск Южного фронта под командованием генерал-полковника Ф.И. Толбухина вклинилась в неприступную оборону врага, создав плацдарм до 60 кв. км в районе сел Мариновки, Дмитриевки и Степановки. Для ликвидации прорыва немецкое командование срочно перебросило в Приазовье дополнительно шесть дивизий. Из-под Харькова был снят танковый корпус СС в составе танковых дивизий «Мертвая голова» и «Рейх», а также 3-й танковой дивизии. Под мощным танковым контрударом противника советские войска к 2 августа отошли на исходные позиции [17].

Окончательно Миус-фронт был сломлен в ходе Донбасской наступательной операции Южного фронта в августе 1943 г. Основной разгром врага совершали 5-я ударная, 2-я гвардейская, 28-я, а так же 51-я и 44-я армии с 18 по 31 августа 1943 г. Существенную роль в прорыве сыграло максимальное сосредоточение войск на узком, в 22 км, участке прорыва. Немецкое командование не сумело раскрыть советские замыслы, определить место и сроки нового наступления. Переправившись через Миус в районе села Куйбышево, советские войска устремились в направлении Артемовки и Амвросиевки. Благодаря массированному использованию артиллерии была обеспечена плотность артиллерийского огня не менее 120 стволов на 1 км фронта. Свою роль сыграл и перелом в воздухе, обеспечивший превосходство советской авиации над люфтваффе. Стрелковые войска прошли специальную подготовку: военнослужащие «учились преодолевать минные поля и проволочные заграждения, блокировать доты» [5. С. 83].

При прорыве немецких позиций использовались специальные подразделения – штурмовые группы [30]. Затем подходившие части РККА развивали наступление, углубляя участок прорыва. Немецкое командование было уверено в крепости своих рубежей и даже 23 августа, когда советские войска прорвались на глубину 35 км и вышли в район Донецко-Амросиевки, немецкие генералы считали, что они не смогут в ближайшее время развить свой успех [31. С. 197]. Но всего через неделю, 30 августа советские войска вступили в Таганрог. Миус-фронт был окончательно ликвидирован, и РККА продолжила наступление на запад.

Выводы. Таким образом, Миус-фронт в 1941–1943 гг. стал мощным оборонительным сооружением, при создании которого противник умело сочетал природные особенности местности со специально созданными защитными сооружениями. По степени неприступности, плотности огня и боевых порядков Миус-фронт вполне сопоставим с другими известными оборонительными комплексами и даже превосходит их по отдельным показателям (см. таблицу).

Таблица

**Сравнительные показатели наиболее крупных оборонительных рубежей
предвоенного и военного времени [19. С. 169].**

Укрепленны й рубеж	Протяженн ость (км)	Глубина обороны (км)	Численность оборонявших ся войск (тыс. чел.)	Общее число укреплений	Плотность укреплени й на 1 км фронта
Линия Зигфрида	600	35–100	360.	16 000. сооружений	До 30 дотов и дзотов
Линия Мажино	400	90–100	300	3 000 сооружений	7 дотов
Линия Маннергейма	135	90	200	200 дотов	2 дота
Линия Молотова	Более 1000	5–16	350	2 500 дотов	До 3 дотов
Миус-фронт	104	11	167	2 500 дотов и дзотов	24 дота и дзота

Строительство Миус-фронта начиналось как системы полевых укреплений, но уже весной 1942 г. советское командование признавало: «Местами оборонительные сооружения настолько развиты, что оборону надо рассматриваться как сильно укрепленные полевые позиции» [2. Л. 162]. В 1943 г. Миус-фронт превратился в оборонительный рубеж с использованием долговременных фортификационных сооружений, и его прорыв потребовал значительных усилий со стороны частей РККА. Общие потери советских войск в 1941–1942 гг. и в 1943 г. исчисляются в 833 тыс. чел., в том числе 280 тыс. чел. – безвозвратные потери. Потери противника за это же время составили 110 тыс. чел., в том числе безвозвратные – 30 тыс. чел. [20]. Во многом это объясняется не только мощью немецких оборонительных рубежей, но и тем, что советское командование действовало шаблонно и непродуманно, войска наступали без артиллерийского и воздушного прикрытия, не имея точных сведений о системе немецкой обороны. Только с достижением превосходства в подготовке, проведении, планировании и обеспечении боевых операций удалось прорвать оборону противника и освободить Приазовье и Донбасс.

Примечания:

1. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 228. Оп. 701. Д. 869.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 3.
3. Они освобождали Донбасс. Очерки, воспоминания. Донецк: Кн. изд-во, 1963. 188 с.
4. Над огненным Доном: очерки и воспоминания об авиаторах 8-й воздушной армии. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985. 159 с.
5. Полищук И.И. От Терека до Миуса. Нальчик: Эльбрус, 1992. 112 с.
6. Воспоминания Фабриканта Арнольда Ефимовича, 1923 г.р., записаны Н.В. Резановой в г. Одесса в марте 2004 г. URL: <http://skachate.ru/voennoe/89402/index.html> (дата обращения 16.09.2013).
7. Воспоминания Межуева Павла Игнатьевича, 1921 г.р., записаны в 1982 г. // Музей боевой славы села Алексеевка Матвеево-Курганского района Ростовской области.
8. Воспоминания Фоменко Ивана Андреевича, 1926 г.р., записаны в село Берестово Куйбышевского района Ростовской области Г.П. Гарбузовым, Е.Ф. Кринко в июне 2009 г. // Архив лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.
9. Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М.: Астрель, 2012. 704 с.
10. Карпов А.Я. Освобождение Донбасса. М.: Госполитиздат, 1943. 24 с.

11. Яковлев Б. Оборона немцев на реках Миус и Молочная. М.: Изд-во НКО, 1945. 49 с.
12. Корольченко А. Миусские рубежи. Очерки о местах боевой славы. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1971. 57 с.
13. Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. 240 с.
14. Огненные рубежи. Военно-исторический очерк. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1978. 224 с.
15. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. в 6 т. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1961. 652 с.
16. История второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 т. Т. 6. Коренной перелом в войне. М.: Воениздат, 1976. 520 с.
17. Исаев А. Прорыв «Миус-фронта». Июль – август 1943 года // Фронтная иллюстрация. Периодическое иллюстрированное издание. 2006. № 3. 79 с.
18. Пужаев Г.К. Кровь и слава Миуса. Таганрог: Изд-во «БАННЭРплюс», 2008. 400 с.
19. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.
20. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в истории Великой Отечественной войны // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 5. С. 387–395.
21. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Южный фланг советско-германского противостояния: боевые действия в Приазовье и на Миус-фронте в 1941 г. // Былые годы. 2011. № 2 (20). С. 5–17 и др.
22. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – декабрь 1941. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2013. 318 с.
23. Грицюк В.М. Стратегічні та фронтіві операції Великої Вітчизняної війни на території України. К.: НАН України. Ін-т історії України, 2010. 150 с.
24. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Мат-лы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 448 с.
25. Басюк И.А. «Гнать немцев на мороз!»: приказ Ставки № 0428 // Российская история. 2010. № 3. С. 19–26.
26. Веремеев Ю.Г. История зарождения и развития минного дела (краткий очерк). Ч. 2. URL: <http://www.saper.etel.ru/histmin/istoria-min-2.html> (дата обращения 12.09.2013).
27. Волошин В., Ратник В. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог: ООО «Изд-во Лукоморье», 2008. 396 с.
28. Дудоров Д. Тактика отступления немцев // Войсковая разведка. Сб. 1944. № 6. <http://www.vrazvedka.ru/training/razvedka/109-sbornik.html?start=6> (дата обращения 2.09.2013).
29. Нидермайер Г., Вальтерс Й. Дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Мемуары фронтовиков. М.: Яуза-Пресс, 2009. 288 с.
30. Кудряков А.Ю. Действия штурмовых групп при прорыве Миус-фронта: по материалам поисковых военно-археологических исследований // Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 45–48.
31. Жирохов М.А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф», 2011. 319 с.

References:

1. Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO RF). F. 228. Op. 701. D. 869.
2. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNIRO). F. R-3. Op. 2. D. 3.
3. Oni osvobodzhali Donbass. Ocherki, vospominaniya. Donetsk: Kn. izd-vo, 1963. 188 s.
4. Nad ognennym Donom: ocherki i vospominaniya ob aviatorakh 8-i vozduzhnoi armii. Rostov n/D: Kn. izd-vo, 1985. 159 s.
5. Polishchuk I.I. Ot Tereka do Miusa. Nal'chik: El'brus, 1992. 112 s.

6. Vospominaniya Fabrikanta Arnol'da Efimovicha, 1923 g.r., zapisany N.V. Rezanovoi v g. Odessa v marte 2004 g. URL: <http://skachate.ru/voennoe/89402/index.html> (data obrashcheniya 16.09.2013).
7. Vospominaniya Mezhueva Pavla Ignat'evicha, 1921 g.r., zapisany v 1982 g. // Muzei boevoi slavy sela Alekseevka Matveevo-Kurganskogo raiona Rostovskoi oblasti.
8. Vospominaniya Fomenko Ivana Andreevicha, 1926 g.r., zapisany v selo Berestovo Kuibyshevskogo raiona Rostovskoi oblasti G.P. Garbuzovym, E.F. Krinko v iyune 2009 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii Instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN.
9. Gal'der F. Voennyi dnevnik (Iyun' 1941 – sentyabr' 1942). M.: Astrel', 2012. 704 c.
10. Karpov A.Ya. Osvobozhdenie Donbassa. M.: Gospolitizdat, 1943. 24 s.
11. Yakovlev B. Oborona nemtsev na rekakh Mius i Molochnaya. M.: Izd-vo NKO, 1945. 49 s.
12. Korol'chenko A. Miusskie rubezhi. Ocherki o mestakh boevoi slavy. Rostov n/D: Kn. izd-vo, 1971. 57 s.
13. Ershov A.G. Osvobozhdenie Donbassa. Voenno-istoricheskii ocherk. M.: Voenizdat, 1973. 240 s.
14. Ognennyye rubezhi. Voenno-istoricheskii ocherk. Rostov-na-Donu: Kn. izd-vo, 1978. 224 s.
15. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. v 6 t. T. 3. Korennoi perelom v khode Velikoi Otechestvennoi voiny (noyabr' 1942 g. – dekabr' 1943 g.). M.: Voenizdat, 1961. 652 c.
16. Istoriya vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 gg. v 12 t. T. 6. Korennoi perelom v voine. M.: Voenizdat, 1976. 520 c.
17. Isaev A. Proryv «Mius-fronta». Iyul' – avgust 1943 goda // Frontovaya illyustratsiya. Periodicheskoe illyustrirovannoe izdanie. 2006. № 3. 79 s.
18. Puzhaev G.K. Krov' i slava Miusa. Taganrog: Izd-vo «BANNERplyus», 2008. 400 s.
19. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. Mius-front v Velikoi Otechestvennoi voine. 2-e izd., ispr. i dop. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 228 s.
20. Matishov G.G., Krinko E.F. Mius-front v istorii Velikoi Otechestvennoi voiny // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2011. T. 81. № 5. S. 387–395.
21. Matishov G.G., Krinko E.F. Yuzhnyi flang sovetsko-germanskogo protivostoyaniya: boevye deistviya v Priazov'e i na Mius-fronte v 1941 g. // Bylye gody. 2011. № 2 (20). S. 5–17 i dr.
22. Afanasenko V.I., Krinko E.F. 56-ya armiya v boyakh za Rostov. Pervaya pobeda Krasnoi armii. Oktyabr' – dekabr' 1941. M.: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf, 2013. 318 s.
23. Gritsyuk V.M. Strategichni ta frontovi operatsii Velikoi Vitchiznyanoi viini na teritorii Ukraini. K.: NAN Ukraini. In-t istorii Ukraini, 2010. 150 s.
24. Velikaya Otechestvennaya voina v prostranstve istoricheskoi pamyati rossiiskogo obshchestva: Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (28–29 aprelya 2010 g., Rostov-na-Donu – Taganrog) / Otv. red. akad. G.G. Matishov. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2010. 448 s.
25. Basyuk I.A. «Gnat' nemtsev na moroz!»: prikaz Stavki № 0428 // Rossiiskaya istoriya. 2010. № 3. S. 19–26.
26. Veremeev Yu.G. Istoriya zarozhdeniya i razvitiya minnogo dela (kratkii ocherk). Ch. 2. URL: <http://www.saper.etel.ru/histmin/istoria-min-2.html> (data obrashcheniya 12.09.2013).
27. Voloshin V., Ratnik V. Vchera byla voina. Taganrog v gody nemetsko-fashistskoi okkupatsii (oktyabr' 1941 – avgust 1943 gg.). Taganrog: OOO «Izd-vo Lukomor'e», 2008. 396 s.
28. Dudorov D. Taktika otstupleniya nemtsev // Voiskovaya razvedka. Sb. 1944. № 6. <http://www.vrazvedka.ru/training/razvedka/109-sbornik.html?start=6> (data obrashcheniya 2.09.2013).
29. Nidermaier G., Val'ters I. Diviziya SS «Leibshtandart Adol'f Gitler». Memuary frontovikov. M.: Yauza-Press, 2009. 288 s.
30. Kudryakov A.Yu. Deistviya shturmovykh grupp pri proryve Mius-fronta: po materialam poiskovykh voenno-arkheologicheskikh issledovaniy // Korennoi perelom v Velikoi Otechestvennoi voine. K 70-letiyu osvobozhdeniya Dona i Severnogo Kavkaza. Materialy Mezhdunarod. nauch. konf. (g. Rostov-na-Donu, 6–7 iyunya 2013 g.). Rostov n/D, 2013. S. 45–48.
31. Zhirokhov M.A. Bitva za Donbass. Mius-front. M.: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf», 2011. 319 s.

УДК 94(47).084.8

**Миус-фронт: немецкий оборонительный рубеж на юге СССР
и его особенности (1941–1943)**¹ Евгений Федорович Кринко² Максим Валерьевич Медведев

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, г. Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук

² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, Российская Федерация
стажер-исследователь

Аннотация. Статья посвящена Миус-фронту – немецкому оборонительному рубежу общей протяженностью в 104 км, созданному в годы Великой Отечественной войны. Его большая часть проходила по правому берегу реки Миус, от которой он и получил свое название. В течение пятнадцати месяцев, с октября 1941 г. по июнь 1942 г. и с февраля по август 1943 г. Миус-фронт являлся зоной кровопролитных боев между частями Красной армии и вермахта. Однако только в современной историографии стал предметом специального изучения.

Первоначально Миус-фронт создавался как система полевых укреплений, призванных сдерживать зимнее советское контрнаступление 1941 г. В 1942 г. и, особенно, в 1943 г. противник усовершенствовал свои оборонительные сооружения. В Приазовье и Примиусье были построены долговременные фортификационные сооружения в соответствии с требованиями военно-инженерного искусства того времени. Немецкому командованию удалось умело использовать природные особенности местности, «привязав» к ним систему артиллерийского, минометного и пулеметного огня.

Миус-фронт надолго задержал продвижение на запад советских войск, понесших при его штурме большие потери. Советско-немецкое противостояние в Приазовье и Примиусье во многом отражает общий ход боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Только с достижением превосходства советских войск в подготовке, проведении, планировании и обеспечении боевых операций удалось прорвать оборону противника. Рассекреченные архивные документы, воспоминания очевидцев и полевые материалы позволяют восстановить историю создания и фортификационные особенности Миус-фронта, переосмыслить его роль в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; вермахт; Миус-фронт; фортификация; Южный фронт.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 93

Motor Boats of ‘Special Tax Control Service’ of Spain, Built during the World War II

Jesus Maria Medel Soteras

Malaga Customs Control Base, Spain
Deputy Commander

Translated from Spanish into Russian by N.V. Mityukov

Abstract. Spain was in deep economic crisis after the Civil War. It resulted in limitation of money, allocated for customs fleet renewal. As a result, Spanish customs officers were forced to use motor boats and ships, taken away from smugglers. In total 15 units were introduced into the fleet use. The terms of their acquisition and brief story are the subject of research.

Keywords: customs service; Spain; smuggling, the Mediterranean.

Введение. По окончании гражданской войны Испания погрузилась в глубокую экономическую депрессию. Опустевшие поля, руины заводов – это обычные последствия любых длительных войн. Дело усложнялось тем, что главный союзник Франко – Германия и Италия, которые должны были помочь в преодолении кризиса, не смогли этого сделать, поскольку сразу же после окончания войны на Пиренейском полуострове, начали активно участвовать во Второй мировой войне. После победы союзников Испания оказалась в режиме международной блокады. Ситуация изменилась лишь в 1953 г. заключением соглашения с США.

Все эти события самым пагубным образом сказались на Табачной монополии (*Compañía Arrendataria de Tabacos*). Гражданская война разделила суда компании по разные стороны баррикад, а суда, пережившие войну, в итоге на несколько лет оказались в распоряжении испанского военно-морского флота. Не способствовали порядку и структурные изменения. В 1944 г. Табачная монополия была преобразована в акционерное общество "Табачная компания" (*Compañía Tabacalera, S.A.*), а в 1955 г. – в Специальную службу налогового надзора (далее SEVF) при Министерстве финансов с большим участием испанского флота.

Из-за сложности общей финансовой ситуации в Испании, в эти годы компания не имела средств для приобретения новых судов, обычно выделяемых казначейством. В связи с этим пришлось пойти на включение в состав флота компании арестованных с контрабандой судов. Благо, что в основном бывшие контрабандисты представляли собой разоруженный вариант бывших боевых катеров, построенных в годы мировой войны, в основном с США и Великобритании. С одной стороны, мощные, быстроходные и дешевые, эти катера, с другой стороны находились далеко не в идеальном состоянии. Не все организации контрабандистов поддерживали хорошее техническое состояние своих средств. Так что с введением катеров в

* Servicio Especial de Vigilancia Fiscal.

состав флота компании, от технического персонала Инженеров и механиков потребовались серьезные усилия по поддержанию материальной части.

Отметим также, что большинство катеров имело британские корни. Поскольку основные контрабандные пути проходили через Гибралтарский пролив, через Гибралтар оказалось наиболее простым приобретение самих плавсредств, запчастей к ним, оказание материально-технической поддержки, и такой немаловажный фактор, как жилье для опытных шкиперов. Все это, учитывая множественные семейные связи жителей Испании и Гибралтара, и привело к рождению многочисленных контрабандных организаций.

Все в послевоенные годы корабельный состав SEVF пополнился следующими катерами постройки Второй мировой войны:

- Пять типа "Fairmile-B": "Vega" (1952-1965), "Basanta Silva" (1960-1985), "Alcaraván" (1963-1977), "Cormorán" (1963-1965) и "Sacre" (1964-1988).
- Три типа HDML: "Gavilán" (1956-1972), "Halcón" (1958-?) и "Gerifalte" (1958-1979).
- Один типа MGB/MTB: "Milano" (1963-1985).
- Два тендера гидросамолетов: "Alcaudón" и "Argo".
- Один HSL (High Speed Lanch): "Petrel".
- Один R.A.S.C. 48-футовый типа "Derby Winners": "Roquero" (1968-1982).
- Один R-Boat: "Sangual" (1969-1975).
- Один Flugbetriebsboot: "Nebli" (1962-1969).

Тип Fairmile-B

Проект катеров типа Fairmile-B был разработан перед Второй мировой войной конструктором Сидней Грехемом (Sydney Graham). Предполагалось получить сильный патрульный корабль, и в результате, несмотря на меньшую по сравнению с другими британскими катерами длину, проект обладал неплохой мореходностью, что позволяло ему проводить патрулирование в течение нескольких дней. Именно поэтому вместо первоначально заложенных в проект трех двигателей Hall-Scott Defender серийные катера получили всего два для увеличения запасов топлива и автономности.

В итоге эти 112-футовые катера с двумя двигателями по 600 л.с. могли достичь при 2200 оборотах в минуту скорости 20 узлов. А на экономической скорости 12 узлов они в итоге преодолевали до 1500 миль! Экипаж катеров насчитывал двух офицеров, двух унтер-офицеров и 12–14 матросов. А вот вооружение, первоначально составлявшее из древних 3-фунтовых пушек и трех 0,303" пулеметов Льюиса, дополняемых 12 глубинными бомбами, впоследствии трансформировалось в автоматические орудия 20 и 40 мм в различных сочетаниях, дополняемых гидролокатором ASDIC и радаром. В 1941 г. 15 единиц даже вооружили в США 21" торпедными аппаратами с целью противодействия попытке вторжения Германии на британские острова.

Во время войны построили сотни катеров этого типа не только в Великобритании, но и в Канаде. И, разумеется, вся эта армада по окончании боевых действий была распродана частникам, начав свою вторую жизнь в качестве яхт и гражданских судов.

Первое судно этого типа, принятое на баланс Казначейства, стал катер "Vega", вошедший в списки согласно приказу Министерства торговли от 16 февраля 1952 г. Как явствует из архивных документов, этот катер итальянского происхождения должен был получить бортовой номер CL-1, в документации SEVF он, в конечном счете, так и фигурировал все время как "Vega". И всю свою карьеру он оперировал в основном в районе Тенерифе и Барселоны. Насколько мне удалось установить, даже после списания катер в Барселоне попал в частные руки и после небольшой модернизации превратился в яхту с припиской на Балеарских островах.

Ранее я уже писал о карьере катера "Sacre", прежде контрабандистском катере "Dallas". А вот короче всех оказалась карьера "Cormorán", погибшим в результате столкновения со своим близнецом "Alcaraván". При чем, авария произошла по весьма банальной причине, когда число людей в рубке превышает некоторый допустимый предел.

* *Медель Сотерас Х.М.* Сторожевой корабль "Sacre" / Пер. с исп. Н.В. Митюков // Галей. 2012. № 2 (4). С. 43–49.

Тип HDML

72-футовые HDML (Harbour Defence Motor Launch) или сторожевые рейдовые катера были весьма посредственными судами, построенными однако в больших количествах в Великобритании во время Второй мировой войны. Эти, сыгравшие важную роль в войне катера строились из разных сортов дерева и первоначально предназначались для защиты портов, гаваней, устьев рек от немецких подлодок. Они в обязательном порядке вооружались гидролокатором и глубинными бомбами с различными вариантами стрелково-пушечного вооружения. Говоря о посредственности этих суденышек, я вовсе не имею в виду их размеры, а скорее низкую мощность двигателей и автономность в сравнении с другими катерами королевского флота. Для изготовления корпусов использовалась хорошая древесина, обеспечившая заслуженную репутацию качественных и прочных корпусов.

Поскольку за время войны построено не менее 486 единиц, их характеристики сильно различались. Катера оснащались двумя дизелями мощностью от 130 до 150 л.с., которые давали возможность развить скорость от 11 до 12,5 уз. Водоизмещение, в зависимости от верфи, также варьировалось в диапазоне от 45 до 54 т. Автономность судов на 12 узлах составляла 1000 миль и на 10 узлах – 2000 миль. При необходимости на верхней палубе размещались дополнительные 200-галлонные емкости. Интересно отметить, что для службы в Индийском океане восемь катеров оснастили также парусным вооружением. Переводя размерения из британских футов и дюймов в привычные нам метры мы можем получить: длина 21,94 м, ширина – 4,57 м, осадка – 1,67 м. Во время мировой войны часть катеров оснастили 3-фунтовыми пушками Mk I, а некоторые и 40-мм Бофорсами. Но большинство имело различные комбинации из 20-мм Эрликонов с пулеметами, в основном систем Льюис и Виккерс. Кстати, во флоте S.E.V.F. катера также не имели фиксированного штатного вооружения.

Испанские таможенники получили как минимум три катера этого типа: "Gavilán", вошедший в строй в 1956 г., а также "Halcón" и "Gerifalte" – в 1958 г. Все суда поступили в результате конфискации их у контрабандистов. "Gerifalte" первоначально направили в Малагу, после чего перевели в Альхесирас. С 1970 г. он обеспечивал нужды таможенников в Кадисе. По моей информации его списали лишь в 1979 г. и он закончил свою карьеру в Аликанте в качестве плавучего ресторана.

"Gavilán" захвачен с грузом контрабанды в 1955 г. и на следующий год вступил в строй. Первоначально его использовали для нужд Картахены, после чего перевели в Малагу. Кстати, здесь, вместе с "Albatros-I", он участвовал в задержании ранее упомянутого "Sacre". Судно списали там же в Малаге 17 ноября 1972 года. Интересно, что его приобрел некий Devesa, использовавший судно в качестве развездного катера вплоть до 1990-х годов. Позже он работал в Пуэрто Банус (Puerto Banús) в качестве экскурсионного катера, пока в 2004 г. не затонул во время плавания в море Альборан.

Последний из тройки "Halcón", захваченный в 1957 г., вступил в строй в 1958-м. По моей информации он действовал в районе Альхесираса и списан на Балеарских островах, после продажи частным лицам. Неизвестно, правда, в какое время это произошло, но на 1970 г. в списках его уже не было.

Все эти суда были объединены в общий класс ML, которые можно перевести просто как "Моторный катер" или "Моторная лодка". Этот обычай был принят еще в 1980-е гг. и сохраняется до настоящего времени.

"Milano"

Катер принадлежал к 71,5-футовым MGB, известным также в литературе как 72-футовые, проекту, разработанному в 1940-х годах генеральным конструктором фирмы British Power Boats Co. (Хейт) Джорджем Сельманом (George Selman). Первоначально катер задумывался как сторожевой MASB (*Motor Anti-Submarine Boat*), но в итоге он получил сильное вооружение, чтобы бороться с германскими Шнельботами и Раумботами, ставшими частыми гостями британских вод после оккупации Голландии, Бельгии и Франции. В связи с этим британское адмиралтейство изменило название в январе 1941 г. на MGB (*Motor Gun Boat*). В общей сложности за годы войны промышленность дала флоту 96 единиц, из которых 39 принадлежали к типу Mk V, а 57 – Mk VI.

Корпус катеров изготовлялся из дерева и имел длину 21,87 м, ширину 6,27 м, осадку 1,27 м. Водоизмещение, в зависимости от ряда факторов, прежде всего от производителя, варьировалось в интервале 37–44 т. На каждом катере стояло по три бензиновых двигателя Packard, развивавших в общей сложности 3600 л.с. у первых судов серии и до 4050 л.с. у последних. В итоге катера развивали максимальную скорость до 40 уз, и крейсерскую до 26 уз. Бензин закачивался в пять основных емкостей, имевших суммарный объем в 2733 галлонов, что позволяло иметь дальность плавания в 475 миль на 35 узлах или 600 при 15 уз. Экипаж обычно состоял из двух офицеров и двенадцати матросов. Оригинальное вооружение состояло из одного Пом-пома, находившегося всего в двух футах от носа, 20-мм пушки Эрликон в корме и двух 0,303" пулеметов Льюиса. В 1943 г. часть катеров была переоборудована в торпедные катера МТВ (*Motor Torpedo Boat*) с установкой двух 18" аппаратов.

К сожалению, мне пока не удалось выяснить точную дату ввода "Milano" в состав SEVF, но на 1963 г. он уже числился в ее составе. Самая старая фотография показывает, что ранее "Milano" принадлежал к типу MGB/MTB с вооружением из двух 20-мм пушек. Позднее он как минимум два раза кардинально менял свою внешность и характеристики, в частности, один раз в связи с заменой бензиновых двигателей на два дизеля GM мощностью по 600 л.с. Разумеется, что при этом существенно возросла дальность плавания и снизилась максимальная скорость.

Катер в основном базировался на Альхесирас и Малагу и участвовал в многочисленных операциях по задержке контрабандистов. При чем, к концу карьеры имевшихся 1200 л.с. стало уже явно маловато для погонь за новым поколением быстроходных катеров контрабандистов, без труда уходивших от преследования. В связи с этим и пришлось закончить карьеру бывшего MGB. В 1986 г. катер был выведен из активного состава, замененный "Alcaraván-III". Старое судно купил дайверский клуб "Club Náutico" из Малаги, предполагая его затопить ради создания дайв-сайта, но в итоге от этой идеи отказались.

Спасательные катера "Alcaudon" и "Argo"

И "Alcaudon", и "Argo" имели британское происхождение, и в годы своей молодости представляли тип, известный как ST (*Seaplane Tenders*). Как следует из названия, эти катера задумывались как суда поддержки самолетов RAF (Royal Air Force), из-за чего в списках Королевского флота они не числились.

Еще в 1930 г. фирма British Power Boat (Хите) построила несколько катеров проекта 200, головной из которых стал ST-200, показавших отличные результаты, о которых очень хорошо отзывался сэр Томас Эдвард Лоуренс, более известный как Лоуренс Аравийский.

Катера типа ST-200 строились из дерева и комплектовались двумя двигателями Power Meadows по 100 л.с., благодаря чему катера могли развить 29 уз. и поддерживать ее в течении получаса. С крейсерской скоростью 24 узла они могли пройти до 140 миль. Последние катера серии 200 (292–303, 323 и 324) оснащались уже дизелями Perkins S6M по 130 л.с., с которыми они, однако, достигали максимальной скорости лишь 24 уз. Что интересно, многие из построенных судов в конце своей боевой карьеры нашли применение в качестве пожарных катеров.

На протяжении всей своей службы в SEVF "Alcaudón" относился к катерам "4-й категории". Судя по моим записям он базировался в Уэльве и Альхесирасе и довольно активно использовался в 1960-х годах. Среди его "добычи" значатся такие суда как "Aziz", "Lota" и "Enmascarado". Характеристики катера следующие: длина 11,43 м, ширина 2,75 м, осадка 1,7 м, водоизмещение 6 т, силовая установка – 2 мотора Perkins S6M по 130 л.с. Скорость максимальная 24 уз, крейсерская – 20 уз.

В отличие от "Alcaudón" "Argo" был задержан с контрабандой в 1964 г. и после решения суда Сеуты передан в SEVF. Он также классифицировался как катер "4-й категории" и, судя по документации, имел длину 12,6 м, ширину 2,4 м, а в качестве двигательной установки – два двигателя Perkins по 100 л.с. Но в отличие от своего близнеца, "Argo" принадлежал к ST так называемого "узкого" типа, то есть имел корпус ограниченной ширины. Именно это обстоятельство и предопределило его быструю продажу с аукциона в 1969 г., после чего он использовался как портовое судно в Альхесирасе.

"Petrel"

Первоначально "Petrel" был 68-футовым HSL (*High Speed Launch*) фирмы British Power Boats, использовавшихся для Royal Air Force с целью спасения британских летчиков, приводившихся в Ла-Манше. Эти катера также получили известность как HSL типа 3, или просто как "Hants&Dorset". Катера обладали довольно широкими и просторными корпусами с множеством внутренних отсеков, которые кстати, можно было проходить не выходя на верхнюю палубу, что особо важно на большой скорости и в свежую погоду.

Всего в период с 1942 по 1946 г. было построено в общей сложности 90 катеров этого типа, неплохо зарекомендовавших себя, и стоявших вооружении вплоть до 1950-х годов. Лишь после этого оставшиеся в строю суда были преобразованы в спасательные катера, буксировщики, а еще четыре единицы – в катера с дистанционным управлением.

"Petrel" был конфискован у своих бывших владельцев решением суда в Валенсии по обвинению в контрабанде в 1962 г. К сожалению, информации об его службе у испанских таможенников крайне мало, но известно, что в основном он служил в районе Барселоны и принадлежал к судам "3-й категории". Характеристики следующие: длина 20,73 м, ширина 5,21 м, осадка 2,4 м, водоизмещение 41 т, четыре мотора GM мощностью по 165 л.с. имели привод на два винта и давали возможность развить скорость до 14 уз. Катер имел на вооружении одну 20-мм пушку Испано-Сюиза.

Судно было выведено из эксплуатации и поставлено на аукцион в 1968 г. со стартовой ценой 750 тыс. песет. Но за такую цену желающих приобрести катер так и не нашлось, в результате 4 марта 1969 г. он ушел за 525 тысяч, между прочим вместе со своим "сослуживцем" "Argo", обошедшимся новым хозяевам всего в 34 тысячи.

"Roquero"

Официально тип этого катера назывался 48' *Derby Winners Class Triple Screw Fast Launch* (48-футовый скоростной трехвинтовой катер, победитель Дерби), но 21 единица, построенные по этому проекту чаще называлась гораздо проще как "Derby Winners". Все они строились двумя сериями в период с 1941 по 1944 гг. Groves & Gutteridge, Ltd. и J.S. White & Co., Ltd (остров Уайт), и среди названий фигурировали: "Bahram", "Blue Peter", "Captain Cuttle", "Coronach", "Call Boy", "Cameronian", "Felstead", "Flying Fox", "Grand Parade", "Humorist", "Hyperion", "Isinglass", "Ladas", "Lemburg", "Manna", "Minoru", "Ormonde", "Spion Kop", "Sunstar", "Trigo" и "Windsor Lad". Как видно, все они названы в честь знаменитых лошадей, победителей скачек, означавшее, что катера этой серии также обладают высокой скоростью, необходимую для выполнения специальных поручений.

Что касается "Grand Parade", то его заложили на верфи J.S. White & Co., Ltd. 29 ноября 1941 г. под стапельным номером 5099. А название катер получил в честь лошади лорда Гланели (Glaneley), победителя Дерби 1919 г. Что интересно, все катера серии строились для нужд RASC (*Royal Army Service Corps*), обеспечивавший транспортом британскую армию. Во время Второй мировой войны корпусу принадлежали сотни плавсредств, разбросанных по всем театрам боевых действий.

Корпуса катеров типа "Derby Winners" строились из высококачественных сортов дерева, прежде всего дуба и красного дерева, в сочетании с умелой постройкой они в итоге демонстрировали удивительную прочность и надежность. Длина их составляла всего 14,63 м, а ширина 4,16 м. Первоначально катера снабжались тремя бензиновыми моторами Perkins 6354 по 125 л.с., позволявшими поддерживать крейсерскую скорость до 20 уз. Эта особенность – небольшие корпуса с тремя винтами была главной "визитной карточкой" катеров этого типа. Экипаж обычно состоял из семи матросов и командира. Для боя катера не предназначались, так что штатного вооружения не имели, как правило, полагаясь на личное оружие, но иногда для самообороны на корме устанавливалась спарка "Бренов".

В время мировой войны "Derby Winners" действовали весьма активно, сыграв, например, видную роль в операции в Нормандии. В знак признания заслуг по снабжению десантников, "Grand Parade" был отмечен мемориальной доской.

После войны катер приобрел некий мистер Шоу (Shaw) из Глазго, став первым частным владельцем "Grand Parade". Спустя некоторое время катер оказался на верфи McAllister в Думбартоне, выставленный на продажу. Его приобрел в начале 1960-х некий Гектор С. (Héctor C.) из Гибралтара. Спустя еще некоторое время катер оказался в

собственности некоего сеньора Лопеса (López), весьма сомнительной личности, который поменял на "Grand Parade" двигатели на более мощные GM, мощностью 225 л.с. Это факт позволяет утверждать, что скорость катера после этой замены существенно возросла.

Но 20 июля 1967 г. "Grand Parade" был арестован моторным катером LVR-I в районе Сеуты с грузом табака, прекратив, таким образом, свои противоправные действия. В 1968 г. после некоторой перестройки катер вошел в строй SEVF под названием "Roquero", действуя в основном в районе Уэльвы и Севильи, а, в конце концов, у Сеуты.

К сожалению, несмотря на свою высокую скорость, катер обладал весьма посредственной маневренностью, что и предопределило редкое его использование в операциях по борьбе с контрабандой. А в итоге, в 1982 г. старую лодку передают в распоряжение военно-морского флота, куда она вошла с тем же названием и бортовым номером P-126, продолжая свою службу в районе Сеуты. Впрочем, уже 1 ноября 1990 г. катер исключили из списков флота и сдали на слом в Карраке.

"Sanguial"

Корабли этого типа, известные как "Räumboots" или R-boats, разрабатывались как небольшие тральщики для работы на мелководье вблизи портов и устьев рек. Всего было построено несколько сотен этих катеров. Карьеру "Sanguial" мы уже описывали*, в итоге всех перипетий оказавшийся судном контрабандистов "Dedalos".

20 августа 1965 г. в водах близ Майорки (Балеарские острова) старый раумбот был пойман патрульным судном SEVF "Albatros" после трех предупредительных выстрелов из 20-мм пушки и 28 выстрелов на поражение. Кстати, ранее, в 1964 г. "Dedalos" смог удрать от патрульного судна "Cormorán" (типа Fairmile-B) при попытке приблизиться к побережью у Альмерии.

В 1968 г. катер приобрели в собственность SEVF и после ремонта под названием "Sanguial" он в 1969 г. вошел в состав ее флота. По имеющейся документации его длина максимальная составляла 39,35 м, ширина 5,72 м, осадка 1,61 м. Водоизмещение в полном грузе 148 т. Силовая установка – два дизеля MWM модели R239 мощностью по 2500 л.с. с приводом на два винта. Максимальная скорость – 22,5 уз. Вооружение – одна 20-мм пушка Испано-Сюиза.

Катер стал одним из наиболее ценных приобретений таможенников, и использовался весьма активно. Среди жертв "Sanguial" значатся "Manano", "Papy", "Playa de Gures" и "Iorana" (бывший британский торпедный катер типа "Gay").

"Nebli"

"Nebli" была старой спасательной лодкой Люфттваффе (*Flugbetriebsboot*). Длина 27,6 м, ширина 4,6 м, осадка 1,5 м. Водоизмещение 65 т. Два мотора MWN-DM развивали суммарную мощность 1650 л.с. и сообщали катеру скорость до 27,9 уз. На 26 узлах он мог пройти до 580 миль. В 1955 г. ее купил некий француз Douane, у которого она приобрела известность под позывным DF1 и названием "Collin de Sussy", более знакомая испанским таможенникам под прозвищем "Colline des Soucis" (холм проблем), поскольку после мировой войны он действительно принес много проблем правоохранительным органам. В 1962 г. перед вводом в строй SEVF катер прошел капитальный ремонт на верфи CMN в Нормандии. Однако в Испании его карьера была недолгой, тем не менее катер успел отметиться в ряде успешных операций, в частности задержке знаменитого "Dallas" (типа "Fairmile-B"), впоследствии вошедшего в состав SEVF под названием "Sacre".

В заключение следует отметить, что сотрудничество SEVF и военно-морского флота было очень тесным. А персонал и вообще носил одинаковую форму, различаясь лишь нашивками. Корабли SEVF всегда рассматривались как резерв флота. В некоторые периоды существования Табачной монополии ее суда были полностью интегрированы в состав флота. Ниже приводится таблица, заимствованная из замечательной работы Х.Л. Коэльо Лильо "Buques de la Armada Española la Ayuda Americana y el Programa de Modernización".

* *Medel Soterac X.M.* "Сангаль" – неизвестный "раумбот" / Пер. с исп. и компиляция Н.В. Митюков // Морская кампания. 2011. № 2. С. 61–62.

Medel Soterac J.M. "Sanguial" – nieznaný kuter tralowy niemieckiej Kriegsmarine / tłumaczenie z hiszpańskiego N.W. Mitiuckow // Okręty Wojenne. 2011. № 3. S. 101–103.

Катер	Введен в состав флота	Выведен из состава флота
"Alcaraván"	19-02-1965	05-03-1974
"Basanta Silva"	19-02-1965	05-03-1974
"Cormorán"	19-02-1965	27-02-1967
"Halcón"	19-02-1965	14-10-1965
"Milano"	19-02-1965	18-12-1968
"Nebli"	19-02-1965	23-02-1966
"Petrel"	19-02-1965	01-07-1965
"Sacre"	19-02-1965	05-03-1974
"Sangual"	14-12-1968	05-03-1974

Выводы. Испанская службы таможенного контроля благодаря высокому профессионализму и самоотверженности труда ее сотрудников смогла ввести в состав своего флота множество катеров и судов постройки Второй мировой войны, на момент захвата которых таможенниками находившихся в весьма посредственном техническом состоянии. За очень небольшим исключением они довольно интенсивно эксплуатировались, сведя к минимуму контрабанду в течение многих лет.

References:

1. Anuarios del Servicio Especial de Vigilancia Fiscal.
2. Casamayor Irlas H. Los Tabacaleros. Torreveija, 2004. 165 p.
3. Coello Lillo J.L. Buques de la Armada Española. La ayuda americana y el programa de modernización. 1993.
4. Jefferson D. Coastal Forces at War. 2009.
5. Lambert J., Ross A. Allied Coastal Forces of WWII. Vol. I. Fairmile designs and US Submarine Chasers. 1990.
6. Lambert J., Ross A. Allied Coastal Forces of WWII. Vol. II. Vosper designs and US Elcos. 1993.
7. Williamson G. Kriegsmarine Coastal Forces. 2009.

УДК 93

Катера "Специальной службы налогового надзора" Испании постройки Второй мировой войны

Хеус Мария Медель Сотерас

Малагская база таможенного контроля, Испания
Заместитель командира

Перевод с испанского Н.В. Митюков

Аннотация. После гражданской войны Испания находилась в глубокой экономической депрессии, что предопределило ограниченный объем средств, выделяемых на пополнение таможенного флота. В результате испанские таможенники вынуждены были использовать захваченные у контрабандистов катера и суда. В общей сложности в состав флота было введено 15 единиц, условия приобретения которых и краткая биография и является предметом данной работы.

Ключевые слова: таможенная служба; Испания; контрабанда; Средиземное море.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 94(47).084.3

The House Was More Than Just the Place We Lived in': Living Space Development by the Participants of the Great Patriotic War*

Tatyana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

Doctor of History

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The paper studies the experience of living space development by the participants of the Great Patriotic War, marks the most typical ways of settling into different lodgments, both temporal and permanent. The interior morphology of different types of lodging organization, its length, amount of residents, opportunities for privacy. The article stresses that the living space in recollections by the participants of the Great Patriotic War has two sides – place, where a man used to live before the war and place, which was his/her asylum in wartime. Almost all the analyzed recollections consider war as the defining moment, which worsened housing conditions of the population and significantly increased their pre-war status.

Keywords: the Great Patriotic War; oral testimony; housing policy; living space; lodging; respondents.

Введение. Восприятие жилищной политики исключительно как деятельности государства по обеспечению жильем своих граждан и поддержанию его в надлежащем состоянии едва ли способно прояснить всю сложность взаимоотношений советского человека с местом, ставшим для него домом. В отличие от нынешнего поколения россиян, для которых дом – это, прежде всего, пространство частной жизни, оплаченное ценой исключительно собственных заслуг и усилий, военное поколение видело его результатом взаимодействия более широкого набора факторов и обстоятельств, среди которых удобства занимали далеко не первое место.

Методы и материалы. В воспоминаниях свидетелей и непосредственных участников событий того времени, дом, как место, где человек живет если и не постоянно, то подолгу, предстает в двух основных образах – места, где он жил до войны, и места, которое стало для него убежищем во время войны. Практически во всех свидетельствах, которые нам удалось собрать, война выступает тем поворотным моментом, который не просто резко ухудшает жилищные условия населения, но и значительно повышает их довоенный статус. О довоенном жилье вспоминается с душевной теплотой и каким-то особенным чувством непоправимой утраты: «Ох, уж эти довоенные нахичеванские дворы! Малонаселенные, с одноэтажными флигельками и квартирками, утопающими в зелени. У каждого соседа беседка или веранда и обязательно с кроватью. На калитке висел один почтовый ящик для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941 – 1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

всех жильцов, и каждый сосед, проходя мимо, заглядывал в него, и спешил сообщить, кому пришла почта. Где-то в сторонке, сложенная из кирпича печурка, на которой готовили обеды, распространяя вкусные запахи на весь двор; но многие пользовались примусами на общей кухне» [1]. Чувством, овеянным по-настоящему счастливым, хотя и трудным детством, запомнившимся замечательным домом, «новым и красивым, с кухней, столовой, залой и спальней, расположенными очень удобно» [2]. У каждого из таких домов была своя очень подробная топография и обязательная отличительная особенность: «И [улицу] Седова, наверно знаете, это вниз туда, к Дону, а это между Чехова и Седова буквально один проулок. Эта улица была – в основном, тоже двухэтажные дома и стояло, по-моему, три или четыре дома двухэтажные, с мансардой – это уже считались трехэтажные кирпичные дома. Вот, в одном из таких домов мы [жили]» [3].

Обсуждения и результаты. Первый образ отождествлялся с квартирой и собственным домом. Эпитет «собственный» в данном случае означал принадлежность семье, оказавшуюся результатом его постройки: «[Дом] большой, дедушка строил его в 1914 г., потому что семья была большая, у него было 10 душ детей» [4]; «Да, отец еще перед самой войной [построил]... Он коммунист, начальник кузнечного цеха» [5]; покупки: «Да, они купили домик такой небольшой. Сначала жили на квартире, а потом купили маленький домик, пополам. Соседи у нас были евреи, и они вот полдомика себе взяли, две комнатки, и две нам. Дом пополам» [6]. Зачастую функциями дома наделялось место рождения человека: «Моя коренная квартира – это Московская № 7, этот дом и сейчас стоит. Только тогда это был конец улицы, глухой тупичок, а сейчас это площадь и на возвышении стоит двухэтажный дом. Это мой отчий дом» [7].

При этом нередко появление в семье дома связывалось с ее численным увеличением и невозможностью жить сообща: «Значит, так, у этого моего деда Михаила, который женился на этой бабке, владелице, откуда он я не знаю, было три дочери – это мои тетки. Первая – это старшая, моя мать Нина, вторая Зина, третья Оля. Почему три? Значит, дед все хотел мальчика, ну чтобы был наследник. А вот знаете, как судьба или Бог там посмеивается и делает наоборот. И потом, значит, что произошло. Во время Первой мировой войны было много беспризорников, сирот и он подобрал какого-то мальчишку, чем-то он ему понравился, ну уже такой, лет 10 [или] чуть больше, и усыновил его. Это был Василий, фамилия у него была Черкасов. Вот это у нас был четвертый, дядя мой, но уже не родной, а усыновленный. И дед все хотел, значит это, собственно, он так решил эту проблему. Там еще были нюансы, но это уже с трагедиями связано. Поумирали эти старики очень рано. Я их обоих не помню по материнской линии. В 1933 г. я родился, у меня память хорошая. Помню, как мы еще жили в каком-то флигелечке во дворе, наша семья, потому что тот дом родительский две сестры Зина и Ольга заняли. Они повыходили замуж, имели по одному ребенку. А моя мать, значит, она вышла за Агаркова Константина и почему-то жили уже там, не было места и во дворе флигелечек, сарай, приспособленный под жилье. Вот это я прекрасно помню. И потом мои родители построили дом такой добротный с выходом уже на улицу, и вот уже войну мы, собственно, пережили в этом доме» [8].

Обитатели собственных домов, жилая площадь которых зачастую ограничивалась «комнаткой и кухней в 18 м», находили возможность размещаться в них по 4–7 чел., не испытывая каких-либо серьезных затруднений. Михаил Иванович Емельянов, встретивший войну 12-летним подростком, рассказывал, что после ухода отца на фронт в доме остались «мать и нас четверо – пять, тетка шестая, вот. Дядька немного побыл, седьмой был, вот семь человек нас было». Пространство делили по-родственному, стараясь учитывать «кто, где уместиться»: «Там печка была и вот так вот, ну, маленький залик такой и спальня одна, вот так, а здесь, где печка еще, кровать стояла, мать там была, и Володя у меня брат был 1939 г., она с ним тут спала. А Клава, сестра моя, а мы с братом тоже вместе спали, вот так. А дядька с тетей в этой, ну так, разделенная она была, эта узкая была, вот такая вот, мы с братом спали, потом здесь мать. Бывало такое, что и в коридоре мы с братом спали, а Клава, сестра, тут находилась. Ну, так как-то, не знаю, там печка еще вон. Дядька печник сам был, печку здоровую сделал, на печке спали, будто бы как русская печка называлась» [9]. Об отдельной комнате или хорошей квартире Михаил Иванович тогда даже не мечтал («какие мечты в то время!»), а на вопрос о том, не смущали ли теснота при таком обилии народа, ответил неожиданно: «Жили так вот, да, а потом дядьку забрали тоже на фронт, в стройбат его, по

строительству забрали. Ну, дядька пришел, а отец нет. Ну, дядька уже заболел, больным был, пришел, его комиссовали, еле живой. Он долго не прожил, тоже умер. Вот так, а отец погиб, и концов не нашли. Как-то мы с сестрой ездили туда, искали, там стоит такой большой [памятник], там надписей много, кто погиб. После войны, это ж 70 км Таганрог отсюда, мы ездили – ничего, фамилии нет нашего отца. Ну, как нам это рассказывал лейтенант, он говорит: “Там так рвануло, этот дзот, все разворотило» [10].

О квартирах вспоминали более сдержанно, что, вероятнее всего, объяснялось пониманием условности обладания ими: «У нас там двухкомнатная была, по-моему, такая, я вспоминаю... Не знаю. Помню, что мы уехали, бросили это и все» [11]. За исключением тех случаев, когда они осознавались социальным благом: «Да, для тех времен, когда был большой квартирный кризис, это было очень большое благо, была прекрасная квартира, две комнаты такие большие квадратные с паркетными полами, отдельная кухня, изолированная. Квартира была прекрасная и даже после войны, когда отца не было, мы с мамой вдвоем остались, и жизнь была тяжелая, наличие хорошей квартиры, это как-то скрашивало материальный уровень людей. Хорошая была очень квартира» [12].

Первой квартирой Алексея Федоровича Акимова стала комната на две семьи, полученная его матерью от фабрики, где она работала: «А при фабрике были корпуса для рабочих, корпуса такие [с коридорной системой]... Вот эти самые каморки – 11 м длина, 4 м ширина. Вот такие большие каморки, по две семьи в каморке. Нас трое и соседей трое. То же самое: женщина, муж ее где-то, не знаю подробностей, у нее тоже было двое детей, и у моей матери нас было двое. Вот, 6 чел. – мы в этой коморке жили. Это Ярославская большая мануфактура, славилась она. Этот купец, Корзинкин – сам он жил в Париже, на фабрике был управляющий. Вот и мы там жили». В 1935 г. он женился и два года прожил с родителями жены «в хорошей изолированной квартире»: «Трехэтажный дом, фабричный. Попав туда, поселились многосемейные, они тоже в каморках жили, родители, и им дали квартиру. Вот, они поселились в этой самой квартире, и я с ними пожил два месяца [до призыва в армию]». Перед войной жена получила от Ярославского шинного завода, где работала в лаборатории, отдельную комнату в квартире гостиничного, «там два туалета было, ванна была, все удобства были». К этому времени в семье уже подрастало двое маленьких детей, но тесноты не чувствовалось и комнату не делили: «Да нет, ну, что они – маленькие детки». По окончании войны с семьей и матерью оказался в Ростове-на-Дону, где «сняли комнату на Ростов-горе – комнатку проходную, малюсенькую, и что-то очень дорого платили за нее». Через несколько месяцев, жена решила записаться на прием к начальнику тыла Северо-Кавказского военного округа и рассказать в каких условиях живет семья. В результате получили возможность выбрать номер в гостинице: «Вот эта гостиница “Ростов” – она была вся разграблена, там не было ни воды, ни электричества, ни отопления, ни канализации, ничего в гостинице не было. А наш номерок вроде люксовский был, даже окно заделали кирпичом! Вот такую маленькую [дыру] оставили, чтобы свет шел с улицы. И мы в этой гостинице в зиму остались, без отопления, без воды. Страшно было! Город был разбит, ой, ужас что! В 1946 г. Ростов – это страшное дело было, понимаете? И вот мы, наверно, с год прожили в гостинице “Ростов”, в этой разграбленной. Ну, паек был, в штабе округа получали паек, более или менее ничего. Ну, жена кое-что где-то там тоже промышляла» [13].

При этом жилое пространство и в том и в другом случаях не сводилось к сухому перечислению его составляющих, а являлось неотделимым от его обитателей: «Значит, это двухэтажный дом и четыре квартиры из них три коммуналки и одна бывшая дворницкая. Значит, в одной квартире осталась одна женщина, такая хиленькая, ее и немцы не забирали на работы, и с ребеночком, годика три. В другой квартире не осталось никого. На первом этаже осталась мамина подруга, бывшая дворянка, такая» [14]. «На Никольской был дом наш, я маленькая была. Такой колоссальный дом, большой частный, газон великолепный и пес, маленький, пушистый такой, шпиг. У меня отметка, я маленькая была, что-то поползла, а он меня хватать за щеку» [15].

В ряде воспоминаний дом как таковой ассоциировался с более широким географическим понятием населенного пункта или учреждения, его заменившего: «Когда мне исполнился один год, то есть в 1924 году, отец и мать переехали в местечко Черее Витебской области, преимущественно еврейское по населению и образу жизни... Местечко

располагалось в живописном месте: кругом замечательные леса, полные ягод, грибов и орехов, на окраине – большое озеро (примерно три километра в длину и шириной с километр). Встречаются гористые места. Очень много зелени и садов»[16]. «Я остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я – малыш против них. А потом в 1925 году советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот, нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали. Николаевка была в Одесской области... Я побыл там 5 лет»[17].

Практически ни один из респондентов не остановился на описании внутреннего убранства дома, за исключением тех немногих случаев, когда какая-то деталь интерьера не запечатлевалась в памяти на долгие годы: «Значит, вот как зайдешь, как и положено, в правом углу, от потолка и вот внизу вот такой треугольный столик – это были иконы»[18]. «Ну это, как – купцовый или как, богатых короче [дом]. Тут все переделали, тут все зеркальное было, круги кругом были в этом доме»[19]. Вероятнее всего, аскетизм и неприхотливость советского быта, вызванные целенаправленным идеологическим воздействием и крайне низким уровнем жизни пореволюционного времени, не располагали к такого рода воспоминаниям. Хотя две собеседницы, чье социальное происхождение еще 10–15 лет тому назад было бы определено категориями «бывшие» и «из интеллигентского сословия», детально обрисовали некогда занимаемые их семьями жилые пространства «вот с такими стенами в восемь кирпичей, с парадным входом... а для прислуги был [вход], не железная лестница, как в обычных купеческих дворах парадная, но уже с деревянной лестницей и две комнаты, ведущие из этой парадной для прислуги комната, там кухарка, прачка, вот такое вот. А между основной квартирой была лестница, которая спускалась ниже. Между лестницей была большая ванная и только после этого ход туда в ту половину» [20]. «Мы меняли нашу московскую квартиру, девятиметровую такую комнатку в коммуналке, а поменяли на коммуналку здесь, но шикарную... Это известный памятник конструктивизма, его сейчас изуродовали. Там было так, типа в нашей квартире: две комнаты смежные и одна совершенно изолированная. Вот заселяли обычно две семьи. Вот смежные комнаты, это какая-то большая семья, ну вот, например, по тогдашним временам нас там жило четыре человека, считалось, что у нас хоромы» [21].

Показательно, что обе они впоследствии неоднократно возвращались к событиям того времени, что нашло отражение в ряде газетных интервью одной из них [22] и нескольких книгах другой [23]. Именно книги, чьими главными действующими лицами стали «или ближайшие родственники, или друзья, или сослуживцы», а некая «присочиненность» послужила основанием для автора отнести их к жанру «повестей и рассказов» [24], передают особенности освоения жилого пространства людьми различного уровня достатка и разного отношения к быту. Так, описывая квартиру родителей своей детской приятельницы Милочки Уманской, «хорошенькой кудрявой девочки», И.Н. Калабухова отмечает, что воспринималась она «как нечто предназначенное для созерцания и изучения, а не для жизни. Необыкновенен был пол – он состоял из дощечек разного оттенка, уложенных елочкой. Темно-красные портьеры на окнах прихвачены медными кольцами. В спальне висел тоже темно-красный, очень мягкий на ощупь ковер. Но самой удивительной казалась большая картина в столовой» [25]. Не меньшее удивление вызывал и довоенный дом еще одной ее маленькой приятельницы Ляли Равикович, у каждого из обитателей которого имелся не просто свой уголок, но и целая отдельная комната: «У тети Жени в ее крохотной комнатке стоял маленький хрупкий столик, покрытый зеленым сукном, кое-где укапанный чернилами. На нем – маленькая настольная лампочка с зеленым же шелковым абажуром в виде колокольчика на медной, согнутой, как стебель, ножке... Еще стояла тут покрытая куском синего, слегка потертого бархата ручная швейная машинка, узкий черный шкаф с платьями тети Жени и Веры Исаевны и маленькая, чуть не с сундук длиной, кушеточка. В Валюшиной комнате меня поражал сам факт существования письменного стола, предназначенного для девочки-школьницы» [26]. Наличие этой отдельности, создававшей возможности уединения и некоторой внутрисемейной автономии, являлось по тем временам большой редкостью. Редкостью, оттеняемой жизнью напоказ, которая зачастую просто не замечалась и воспринималась «нулевой степенью письма»: «Две наши довольно большие по тем временам комнаты были не только общие, но как-то всеобщие. Речи не

было не только о том, чтобы их как-то разделить между нами, как это сделали Равиковичи, – ни у кого не было даже своего уголка, зоны действия, сферы существования, все вершилось на виду у всех, и всех это устраивало. Теперь-то я думаю, что не устраивало мою еще молодую мать, которой бы хотелось иметь личную жизнь, но в нашей спартанской семье это никому не приходило в голову» [27].

Невосприимчивость к отсутствию собственного жилого пространства, «заветного уголка» не в последнюю очередь обуславливалось и жизнью большими семьями, которая оборачивалась не только скандалами, но и шумными, запоминающимися праздниками: «... там у нас в доме было четыре комнаты: две маленьких, как бы считалось спальни. До войны ту дальнюю, что выходила на улицу, там отец с матерью ночевали, а мы с сестрой, ну да, собственно, мы жили во второй спальне, но еще была у нас бабушка, отца мать. Она, значит, я даже и не помню, она-то у нас ночевала, то ее куда-то выселяли в кухню там. Вы знаете, очень так было отношение сыновей, причем у нее было три сына, и у старшего Кости, она, собственно, и жила. И всегда происходили скандалы между вот этими братьями, что мать, значит, вот. Отец поднимал вопрос: почему мать у меня все время живет? А те, значит, такие были, что вроде тесно, в общем, наводили всякие доводы. И я помню, что когда были какие-то праздники большие, ну там советские или церковные, собиралась вся родня. И застолье было такое, по-русски, с крепкой выпивкой, знаете? И, вот, помню, как я еще маленький, ложился спать во время, там в 9–10 часов вечера, а потом от какого-то шума я проснулся. И я из своей комнаты смотрел, как в той комнате дерутся все» [28].

Вместе с тем, в ряде воспоминаний встречаются упоминания о перегородках, ширмах, «каких-то немислимых закутках», посредством которых мир взрослых хотя бы на время отгораживался от мира беспокойного детства, также требовавшего своего неподконтрольного существования. Нередко оно достигалось совершенно неожиданным образом путем наличной планировки жилья: «Папина была комната с мамой и наша, а посередине была кухня» [29], его перестройки: «Позже, в 1938 году, к нему (дому – Авт.) добавили крыльцо и пристройку, впоследствии сыгравшую положительную роль в приобретении мной независимости» [30], либо же переселением в другую квартиру: «...мы переселились из маленькой квартиры в большую, в этом же доме, отец хотел три комнаты потому, что я вырастала. Был совершенно потрясающий человек, управляющий домами, это политкаторжанин, это ленинцы, которые на каторге были, совершенно не обыкновенное поколение. И он, конечно же, был болен туберкулезом как они тогда, без всяких взяток, без всего и когда появилась квартира гораздо больше, чем наша маленькая двух комнатная, он привел отца, и мы переселились» [31]. Лидия Владимировна Ямщикова, вспоминая опыт проживания в разных домах, в этой связи отмечала: «Это были 4-этажные дома, вот такого кирпичного типа. <...> У нас одна комната была, несмотря на то, что нас было 5 человек. Вот, мы жили в одной этой комнате, правда, большой... Очень просто [размещались], стояла у нас перегородочка такая. Да, вот, знаете, раздвижные раньше были? Там медведи, три мишки нарисованы, дерево, вот это я все хорошо помню. Вот наша половина была вот так отгорожена к окну, а у них была у дверей комната» [32].

Жилое пространство рассматриваемого периода времени различалось не только своей протяженностью, но и внутренним убранством. Привычная довоенная простота и предельная функциональность вещей перемежалась со стремлением к уюту и одомашниванию пространства посредством «бытовых мелочей»: «Теперь, по пришествии многих лет, я понимаю, чем беден был мой родной дом, чего так не хватало в нем моему детскому существу, так не хватает растущему организму кальция, и чем так всегда спешила я наглотаться в доме Равиковичей. У нас в квартире не было ничего лишнего, ничего бесполезного, а именно бесполезное, лишнее придает бытию оттенок неповторимости, индивидуальности, является теми минеральными солями, которые создают вкус питьевой воды... Впрочем, было и в нашем доме несколько красивых вещей. Но тогда я их прелести не понимала – как не понимала неуместности кухонной мебели в красном углу – не ценила. Попали же они к нам не за свою красоту, а скорее всего, случайно, и сохранились потому, что у них было вполне конкретное назначение» [33].

При этом дом представлялся не только конкретно локализованным местом проживания с разной степенью бытовой комфортности, но и атрибутом материального достатка, а также социального статуса: «Строили дома, они были примитивные, что такое

саманные дома, Вы знаете. Или планкованный дом – это когда деревянная основа, обитая планками, и она набивалась глиной. А вот кирпичные дома – это была редкость, это были только богачи, местные богачи окраинные могли поставить. Вот на нашем квартале, где я жила, было всего два кирпичных дома, остальные были планкованные или саманные. У нас был планкованный дом, который в 1930 году построил мой дед, в котором я и родилась» [34]. Редко, но, тем не менее, отмечались и условия проживания: «Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хрущевках. Вот так это строилось для рабочих, а, напротив, был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще, они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас, ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего» [35]. Следует отметить, что ситуация отсутствия необходимых с точки зрения нашего современника удобств каких-либо раздражающих комментариев у собеседников не вызывала.

Ценность довоенного дома определялась как восприятием его в качестве места рождения, «семейного гнезда», «родительской вотчины», так и невосполнимой утратой, подчеркиваемой неприглядностью сменяемых с калейдоскопической быстротой временных пристанищ периода эвакуации: «[У кого остановились в Махачкале?]. На улице, сидели, как цыгане табором. Там собрались людей тысячи» [36]. «Приехали мы в Баку, в надежде, что мы все-таки вернемся, и над Баку начали летать самолеты. И тут уже холода, октябрь месяц. И там мы уже сидели, я Вам скажу, я не знаю, как назывались эти хатки, глиняные хатки, там, значит, на зиму загоняли овец. Потому что днем тепло было, а вечером холодно, и вот мы в этих хатках» [37]. «Мы жили в той части Ташкента, она называется Бесагач, это тогда был дальний район. Там была тоже обувная фабрика, и было общежитие, двухэтажное здание, нам подготовили комнаты. Комната была примерно, как детский класс в школе. Топчаны свежие сделали нам, было у нас, на чем спать, и в нашей комнате жило 19 человек из приехавших» [38]. При этом плотность жилого пространства вовсе не исключала возможностей его личного обустройства и частного освоения: «...каждый в комнате занимал свой угол. Скажем два топчана – это наш угол, еще чей-то угол, еще чей-то» [39].

При этом многие респонденты сохранили воспоминания о жизни в «вынужденной ссылке» (эвакуации) как об относительно «нормальной и даже в чем-то хорошей жизни»: «Запомнилось мне, как мы работаем в колхозе. Хлеб там такой был вкусный. Они его пекли на капустных листьях. И это же хлеб был натуральный, т.е. пусть его было мало, но это ж перемололи муку и сделали хлеб, не то, что сейчас, потому что сейчас вообще я не знаю, что это, хлеб или что. Значит, очень вкусный был хлеб, мне запомнилось. Мне запомнились несчастные эти эвакуированные, которые вот какие-то такие беспомощные были. Ну, мама моя вот шила, мы там, в колхозе что-то там крутились в школе, что-то там, в общем, я ж говорю, спектакли устраивали. Мы “Бориса Годунова” ставили в школе...» [40]. Эта нормальность во многом оказалась связанной и с теми конкретными людьми, с которыми приходилось жить «под одной крышей»: «Очень теплые у меня остались воспоминания о казахах. И знаете, в какой-то мере это, как бы я считаю своей второй родиной. И когда потом у моих соседей заговорили что-то плохое о казахах, мне это очень, я вообще не люблю такие разговоры, у меня о них очень теплые воспоминания» [41].

В годы войны появились и были освоены новые типы жилья: блиндажи, противотанковые рвы, палатки. Е.С. Тюкина, сбежавшая на фронт и попавшая в санэпидемотряд, после благоустроенной воронежской квартиры оказалась в армейской палатке. Спустя семь десятилетий о жизни в ней она вспоминала как о чем-то привычном и даже уютном: «...там у нас были такие надувные матрасы... Мы печку топили. Такую, буржуйку – зимой, когда надо было, а так, в общем-то...». По ее тогдашним ощущениям, нахождение в палатке одновременно 6–7 чел. больших неудобств не причиняло, а отсутствие в общепринятом смысле этого слова личного пространства заменялось наличием матраса, который «был у каждого своим» [42].

Вместе с ними в жизнь фронтовиков и эвакуированного населения входил и национальный жилищный колорит. Н.Ф. Резникова, оказавшаяся с медсанбатом в Северной Осетии, в одном из горных аулов впервые увидела саклю: «Сейчас точно не помню или в ауле Дунте, или в Камунте я явилась и увидела первый раз саклю. Это удивительное сооружение. Это как-то земля, земля, земля, вот очаг, и вверху дыра и вот туда дым

поднимается. А там и тепло, и светло, и все нормально оказалось в этой сакле». При этом ее больше всего удивила не сама сакля как непривычный для русского человека тип жилища, а ее естественное освещение: «Вообще-то мы подсвечивались из снарядов артиллерийских, готовили гильзы уже свободные и делали светильники для раненых» [43]. Аулы Южного Казахстана встретили эвакуированных домами-кибитками: «Им там приготовили дома, по-ихнему это дома-кибитки. У них дома, как у мусульман, одна сторона улицы – окна выходят, а другая сторона улицы – задняя часть, т.е. дома на восток расположены... Вот две бабушкины сестры – каждая получила по домику, по кибитке, и мы въехали в одну такую кибитку. Значит, сени, там заком, и в закоме пшеница. Ее возят на мельницу, пекут пышки, хлеб. И одна большая комната с мазаными полами, низкая. Никакой мебели. Печка, замазан казан чугунный в печку, и в этом казане варят пищу» [44].

Именно в эти годы советский человек приобрел опыт «жилищной мобильности». Оккупация, делавшая далеко небезопасной жизнь вблизи месторасположения противника, и массовые разрушения жилищного фонда вынуждали его либо перебиваться в относительно спокойные районы, либо эвакуироваться за пределы «насиженных мест». Одна из респонденток, жительница Ростова-на-Дону, чья семья подпадала под «решение еврейского вопроса», рассказывала о том, как приходилось три или четыре раза менять пристанище. В 1942 г. она с семьей оказалась у родственников, эвакуировавшихся в Ташкент: «А еще в войну, это было, сейчас скажу Вам, когда первые немцы ушли, уже подходило где-то к 1942 г., лето или зима – это я точно не помню, пришла тетя Маруся, папина сестра. Вот, она пришла и говорит, маму мою звали Елизавета Ивановна: “Лизочка, ты с детьми?”. А мы жили уже на Донской, в 51 номере. Ее окна выходили к нам во двор, на Донскую. И она маме говорит: “Ты детей забирай, потому что мы эвакуируемся, Иося получил назначение там, в Ташкент”. Короче, они уезжают: “Только ты, пожалуйста, мебель сохрани и стаканы тонкие, чтоб не побились...”». Вторую оккупацию города, когда «уже взялись за евреев», они пережили «на “Сельмаше” и в квартире на Книжной... Вот, немцы ушли, и мама – каким путем она получила эту квартиру, я не знаю. Вот, а она, значит, когда открылась мебельная фабрика на [улице] Донской – это недалеко от [улицы] Подбельского, между Подбельского и Семашко, и вот она, может, оттуда, может, как, я не знаю, каким путем, короче, мы поселились в этом 51 номере. Нет, это после войны, а тетя Маруся – мы жили в 56 у нее, пока она не вернулась из эвакуации, после вторых немцев, а потом мы уже переселились с этой квартиры, там полуподвальное помещение было, где мы жили в 51, на Донскую, тоже здесь, только напротив. У меня даже есть фотография возле нашего дома. Война закончилась, мы уже жили в 44 номере, и отсюда я замуж вышла» [45].

Мириам Филипповна Гольдфарб, пережившая первую оккупацию в Ростове-на-Дону, отмечала, что в то время «у людей принято было кучковаться», самоуплотниться: «Просто, скажем, живут в Нахичевани, боятся бомбежки. Вечером с чемоданами едут в центр города к кому-то из родственников. А из города едут в Нахичевань с чемоданами. Люди метались, хотели спастись от бомбежки. Кроме этого, город прифронтовой, боялись все. Надо эвакуироваться. Если оставаться – что [делать]? И люди объединялись, родственники сходились где-то в одной квартире. Поэтому в нашей квартире жили: я и мама, папа, но о папе особая речь, мамина сестра с двумя маленькими детьми и ее муж. Дети: одному был год, а другому 4 года и бабушка» [46]. Вместе с опытом освоения нового жилого пространства в жизнь входили и непривычные жилые постройки. Так, вспоминая Рыбинск, где семья оказалась в эвакуации, Анна Исааковна Баляшина говорила о впервые увиденных высотных домах: «Потому что получилось так, что в 1936 г. немцы построили там авиационный завод, и там был организован просто городок, где стояли вот так вот перпендикулярно к проспекту, на котором они находились, дома. Причем там стояли тогда девятиэтажки, которые для нас – это было такое событие. Потому что там, в основном, мало кирпичных зданий, а то все деревянные здания и все одноэтажные, максимум двухэтажные. Вот и они там, вот эти три дома. Значит, там заселили всех, которые у них работали и их семьи» [47].

По преимуществу коммунальный быт того времени неизбежно сталкивал советского человека с людьми, жившими по соседству. Фигура соседа, ставшая карикатурно-зловещей благодаря длительно просуществовавшему в нашей стране коммунальному быту, в воспоминаниях людей, переживших войну, выглядит не столь однозначно негативной. Многие респонденты с большой теплотой и благодарностью вспоминали своих соседей:

«А потом поменяла эту комнату в общежитии на комнату, но эта была не коммунальная квартира. Это был дом такой, наверное, жактовский, как тогда говорили, но это был небольшой бревенчатый дом. Это в Сибири было. Но он вот тоже, во всяком случае, наше крыло было поделено между двумя семьями, у меня комнатка и у соседей две комнатки. Мы год прожили вместе, что называется душа в душу. Как-то и я, они пожилые две женщины, я им старалась помочь, ну, очень приятная была соседка, мать ее, может быть, не очень приятная, но она старая была, что там, только помочь ей можно было. А наоборот, когда я заболела, у меня возникли затруднения, соседка нам помогала. Так и прожили...» [48].

Теснота и плотность жилищных условий лишали советского человека элементарной возможности на уединение. Его жизнь протекала на виду большого количества людей, которые с течением времени и укоренившейся «привычки к коллективному» уже не казались ему посторонними. При этом вовлеченность в пространство чужой жизни зачастую происходила «исподволь», навязываясь не столько общностью проживания, сколько неизбежностью коммуникативного соприкосновения: «А, вот Вам хочу сказать, что вот, например, вот эта наша одинокая армянка, царствие ей небесное, как говорится, у нее какие-то, она была одинокой женщиной, были какие-то личные, интимные истории. И вот наши соседи во дворе: “Маша, Маша, вон там Сирануш пошла”. И они бежали за ней по улице. Они бежали за ней по улице, посмотреть, с кем и куда пошла. Вот это я говорю, люди со двора громадного дома. А она жила у нас за спиной, и мы никогда ничем этим не интересовались. Нет, ну, что-то, какие-то обрывки невольно, когда живешь так тесно, долетали. Ну, как долетали, так и улетали. И мы скорее от кумушек на лавочке знали об ее личной жизни, чем из наших личных наблюдений» [49].

Вместе с тем, перипетии жилищной политики, сопровождавшиеся частыми уплотнениями обладателей избыточных площадей, приводили к соседству представителей различных социальных слоев. Такая ситуация не могла не сказываться на характере отношений между жильцами: «Значит, в этой половине жила очередная пролетарка... В эту квартиру деда с бабкой заселились люди, в общем, это была уже коммуналка. И в коммуналке уже были разные отношения очень. Вот эта, вот которая жила в квартире внизу, которая шла с лестницы, тоже Мара такая, с характером, она все еще хотела навести порядок в господской части, если так выразиться, говорила: “Не закрывайте двери!”. В ту часть вела дверь, которая с этой стороны закрывалась, прислуга не могла прийти, если ее не звали, чего ходить. Так она все требовала, что бы мы эту дверь не смели закрывать, а там был такой крючок большой. Ну, вообще в силу дедовской громадной интеллигентности, бабушка ссорилась, шумела, а дед это дело утихомиривал» [50].

Не способствовали хорошим соседским отношениям и широко распространившиеся во время оккупации факты самопроизвольного вселения в квартиры ушедших на фронт, эвакуированных и захвата их имущества: «Кончилась война, я приехала, одна девочка, поступать в университет, квартира наша занята. Я пошла на Ворошиловский [проспект] смотреть, а там магазины, парикмахерская. У нас был первый этаж, и нашей квартиры вообще нет. У нас была очень большая площадь, прекрасная квартира, нас было 6 человек, еще бабушка, а так мы остались в этой коммуналке [на Станиславского]. Я пошла к себе домой, открывает дверь какой-то дядька. Я говорю: “Вы извините, это вообще наша квартира, но я понимаю, что Вы тут живете. Но я приехала одна, отец мой еще на фронте. Можно мне переночевать? А то у меня завтра первый экзамен”. Он меня повернул спиной, дал мне толчка, вот так, как говорится, под зад коленом, и я очутилась на веранде, и все» [51]. «Вот я приехала домой, там живут чужие люди. Я говорю: “А где наши стулья хотя бы или что там...”. Вот мне даже Клара Борисовна говорит, вот те забирали ваш диван, у этих это, ваш стол находится вот в том учреждении. Она мне все говорила, где что. Я пошла, нашла этот стол большой, там тем более вырезки Вика, Женя, Валя, Лера. “Иди девочка, как пришла, так и иди отсюда”» [52]. Нередко подобные ситуации разрешались «по закону» и вспоминались «без особой обиды и зла»: «Мы там прожили до войны и когда возвратились, то в нашей квартире жили две семьи. Но папа пошел в военкомат, и одну семью сразу переселили. А там одна комнатка еще была, когда заходили – большая комната, и прямо туда была комната небольшая, там оставалась пара – муж, жена. Еще какое-то время мы с ними жили, а потом и они ушли, и мы опять вернулись полностью в свою квартиру» [53].

В целом же, несмотря на отдельные эксцессы и возникающее непонимание, у подавляющего большинства респондентов о соседях остались самые теплые воспоминания, жизнь с которыми приучала к взаимовыручке и самоотдаче: «Очень хорошо, очень тепло. До войны у бабушки и у дедушки в этой квартире, во-первых, были хозяева дома, которых уплотнили и хотели выкинуть из дома, потому что они хозяева. Дедушка их защитил, доказал, что они не буржуи. Что он был банковский служащий и приобрел недвижимость. Понимаете? Другие еще были люди. Ну, были, как свои, теплые отношения. В “Новом быту” у всех изолированные квартиры, но все были в добрых отношениях. Я не помню негатива, может, он где-то и был между людьми. В той среде, где я сталкивалась, не было. Я не идеализирую, просто так случилось» [54]. «Вот так жили! Все, не взирая, армян, грузин или кто там, еврей – все вот так жили дружно, друг другу помогали всегда. Вот мать, нас четверо было, работала там, вот эту кашу принесет... [Соседям раздает]. На 14-ю [линию] отдавала, вот этой в 29-м [доме] многосемейная, одна девка сейчас осталась живая, а то все поумирали, им отдавали и нам отдавала: “Я вам еще принесу, а им никто не принесет”. Вот так обращение. Мать родная говорила нам: “Я вам дала, завтра еще принесу, а им кто принесет?”». Именно этого чувства «локтя» многих из них не хватает в сегодняшней жизни, которой «откровенно говоря, сейчас нет» [55].

Выводы. Характер и особенности воспоминаний участников Великой Отечественной войны о доме и семье свидетельствуют о том, что они оставались наиболее значимыми локусами их частной жизни. Жизни, большая часть которой протекала в условиях, лишенных даже намека на возможность уединения или укрытия от бдительного ока соседей. Дом для советского человека оставался не только его крепостью, но и пространством роевой жизни, где как в классическом театре поступки сопрягались с каноническим текстом, нарушение последовательности которого выправлялось суфлером. Частая смена мест проживания, по сути, не менявшая образа жизни и ставшего привычным многолюдного окружения, превращала его в некую декорацию, неизменной частью которой оставалась только семья. Жилищная политика советской власти и чрезвычайные обстоятельства жизни в условиях военного времени расширили границы последней, включив в ее состав людей, деливших с ней один кров.

Примечания:

1. Галустян В. Мой Нахичеван. Таганрог, 2011. С. 5.
2. Миркин М. От Черей до Чикаго. Иерусалим, 2013. С. 23.
3. Респондент: Баляшина Анна Исааковна, 1925 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 83 минуты. Запись 19 июня 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
4. Респондент: Шепеленко Нина Павловна, 1930 г.р. Интервьюер: Курбат Т.Г. Место проведения: Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись 15 октября 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
5. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.
6. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
7. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут. Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
8. Респондент: Агарков Анатолий Константинович, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 127 минут. Запись 14 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
9. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.
10. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.
11. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
12. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

13. Респондент: Акимов Алексей Федорович, 1913 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 125 минут. Запись 17 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
14. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
15. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
16. Миркин М. Указ. соч. С. 22.
17. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 77 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
18. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.
19. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.
20. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна.
21. Респондент: Калабухова Инна Николаевна.
22. Девочка и война. URL:<http://www.krestianin.ru/articles/18215.php> (дата обращения: 25 октября 2012 г.).
23. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет?... Повести. Ростов н/Д., 2006; ее же. В прощаньи и в прощеньи. М., 2008.
24. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет?... С. 3.
25. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 9.
26. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 97–98.
27. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 99.
28. Респондент: Агарков Анатолий Константинович.
29. Миркин М. Указ. соч. С. 23.
30. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
31. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
32. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна, 1932 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 67 минут. Запись 14 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
33. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 100, 102.
34. Респондент: Семина Виктория Николаевна.
35. Респондент: Семина Виктория Николаевна.
36. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.
37. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.
38. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
39. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
40. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.
41. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
42. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
43. Респондент: Резникова Надежда Федоровна, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Майкоп, квартира респондента. Продолжительность минут 120 минут. Запись 10 января 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
44. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
45. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.
46. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.
47. Респондент: Баляшина Анна Исааковна.
48. Респондент: Калабухова Инна Николаевна.
49. Респондент: Калабухова Инна Николаевна.
50. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна.

51. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

52. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

53. Респондент: Баляшина Анна Исааковна.

54. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

55. Респондент: Емельянов Михаил Иванович.

References:

1. Galustyan V. *Moi Nakhichevan*. Taganrog, 2011. S. 5.
2. Mirkin M. *Ot Cherei do Chikago*. Ierusalim, 2013. S. 23.
3. Respondent: Balyashina Anna Isaakovna, 1925 g.r. Interv'yuer: T.G. Kurbat. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 83 minuty. Zapis' 19 iyunya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
4. Respondent: Shepelenko Nina Pavlovna, 1930 g.r. Interv'yuer: Kurbat T.G. Mesto provedeniya: Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 50 minut. Zapis' 15 oktyabrya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
5. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.
6. Respondent: Tyukina Evgeniya Stepanovna, 1925 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 105 minut. Zapis' 7 marta 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
7. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna, 1929 g.r. Interv'yuary: T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost': 50 minut Zapis' 4 aprelya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
8. Respondent: Agarkov Anatolii Konstantinovich, 1933 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 127 minut. Zapis' 14 aprelya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
9. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.
10. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.
11. Respondent: Tyukina Evgeniya Stepanovna.
12. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
13. Respondent: Akimov Aleksei Fedorovich, 1913 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 125 minut. Zapis' 17 aprelya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
14. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna, 1926 g.r. Interv'yuary: T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 80 minut. Zapis' 16 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
15. Respondent: Kovalenko Zoya Grigor'evna, 1926 g.r. Interv'yuer: E.F. Krinko. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 123 minuty. Zapis' 20 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
16. Mirkin M. *Ukaz. soch.* S. 22.
17. Respondent: Zhugan Nikolai Pavlovich, 1917 g.r. Interv'yuer: I.G. Tazhidinova. Mesto provedeniya: g. Krasnodar, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost': 77 minut. Zapis' 25 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
18. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna.
19. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.
20. Respondent: Rozenblit Evelina Evgen'evna.
21. Respondent: Kalabukhova Inna Nikolaevna.
22. *Devochka i voina*. URL:<http://www.krestianin.ru/articles/18215.php> (data obrashcheniya: 25 oktyabrya 2012 g.).
23. Kalabukhova I.N. *Gde moi trinadtsat' let?»... Povesti*. Rostov n/D., 2006; ee zhe. *V proshchan'i i v proshchen'i*. M., 2008.

24. Kalabukhova I.N. Gde moi trinadtsat' let?»... S. 3.
25. Kalabukhova N.I. V proshchan'i i v proshchen'i. S. 9.
26. Kalabukhova N.I. V proshchan'i i v proshchen'i. S. 97–98.
27. Kalabukhova N.I. V proshchan'i i v proshchen'i. S. 99.
28. Respondent: Agarkov Anatolii Konstantinovich.
29. Mirkin M. Ukaz. soch. S. 23.
30. Respondent: Tyukina Evgeniya Stepanovna.
31. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
32. Respondent: Yamshchikova Lidiya Vladimirovna, 1932 g.r. Interv'yuary: T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost': 67 minut. Zapis' 14 maya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
33. Kalabukhova I.N. V proshchan'i i v proshchen'i. S. 100, 102.
34. Respondent: Semina Viktoriya Nikolaevna.
35. Respondent: Semina Viktoriya Nikolaevna.
36. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna.
37. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna.
38. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
39. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
40. Respondent: Kremyanskaya Sil'viya Yakovlevna.
41. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
42. Respondent: Tyukina Evgeniya Stepanovna.
43. Respondent: Reznikova Nadezhda Fedorovna, 1921 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Maikop, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' minut 120 minut. Zapis' 10 yanvarya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
44. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
45. Respondent: Yamshchikova Lidiya Vladimirovna.
46. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
47. Respondent: Balyashina Anna Isaakovna.
48. Respondent: Kalabukhova Inna Nikolaevna.
49. Respondent: Kalabukhova Inna Nikolaevna.
50. Respondent: Rozenblit Evelina Evgen'evna.
51. Respondent: Tikhomirova Valeriya Aleksandrovna, 1925 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 130 minut. Zapis' 22 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
52. Respondent: Tikhomirova Valeriya Aleksandrovna, 1925 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Khlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISEGI YuNTs RAN. Prodolzhitel'nost' 130 minut. Zapis' 22 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
53. Respondent: Balyashina Anna Isaakovna.
54. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna.
55. Respondent: Emel'yanov Mikhail Ivanovich.

УДК 94(47).084.3

**«Дом был не просто местом, где мы жили»:
опыт освоения жилого пространства участниками
Великой Отечественной войны**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт освоения жилого пространства участниками Великой Отечественной войны. Отмечаются особенности и наиболее характерные для того периода времени практики обживания различных помещений, становившихся временным и постоянным жильем. Рассматриваются внутренняя морфология организации различных типов жилья, их протяженность, людность, предоставляемые ими возможности для уединения. Подчеркивается, что в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны жилое пространство предстает в двух основных образах – места, где человек жил до войны, и места, которое стало для него убежищем во время войны. Практически во всех проанализированных меморатах война выступает тем поворотным моментом, который не просто резко ухудшает жилищные условия населения, но и значительно повышает их довоенный статус.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; устные свидетельства; жилищная политика; жилое пространство; жилье; респонденты